

REVUE

КИНО КЛУБ

R
CINEMA

роман

Крейг Маклей

ОТ АВТОРА МЕЖДУНАРОДНОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
«КНИЖНАЯ ЛАВКА»

Крейг Маклей

Киноклуб

«Центрполиграф»

2014

УДК 821(71)
ББК 84(7Кан)

Маклей К.

Киноклуб / К. Маклей — «Центрполиграф», 2014

ISBN 978-5-227-07066-1

Казалось бы, что может объединять начинающего писателя, музыканта-бунтаря, плейбоя-миллиардера, примерного семьянина, комика, работающего в жанре комедии оскорблений, и любителя спорта, ведущего малоподвижный образ жизни? Конечно же общая любовь к кино! Они собираются раз в месяц, чтобы посмотреть какой-нибудь фильм. И этим встречам ничто не может помешать – даже самые фантастические жизненные ситуации, в которые они попадают и которые напоминают то комедию, то мелодраму, то детектив, а то и вовсе фильм ужасов...

УДК 821(71)
ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-227-07066-1

© Маклей К., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Крейг Маклей

Киноклуб

© Craig McLay 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Глава 1

Как и многие великие идеи, эта родилась благодаря чрезмерному количеству выпитого – в данном случае пива.

Произошло сие знаменательное событие десять лет назад. Мне было девятнадцать, и я учился на втором курсе факультета журналистики в университете Райерсона. Сначала нас было пятеро. В тот вечер мы сидели, набившись в кабинку «Прожектора», ныне давно забытого паба на Квин-Вест. Только что сходили на показ киноклассики – Фрэнсис Форд Coppola, «Апокалипсис сегодня». Демонстрировалась расширенная версия с улучшенной цветопередачей, вырезанными сценами на плантации и целой компанией обнаженных зайчиков «Плейбоя». Мнения о просмотренном разделились. Я от новой версии пришел в восторг. До этого доводилось смотреть галлюциногенную экранизацию романа Конрада о войне во Вьетнаме только на старых, затертых видеокассетах и в пятничном эфире канала Citytv, который имел привычку до десяти часов вечера запикивать слово «мать» в выражении «твою мать» и слово «господня» в выражении «срань господня». Сидя же в битком набитом зале кинотеатра и имея возможность во всех подробностях лицезреть атаку вертолетов под музыку Вагнера, грохотавшую в ушах благодаря цифровой системе объемного звучания, включенной на уровень громкости 11, я понял, что до этого фильма вообще не видел.

– Полный улет! – воскликнул я, отпив большой глоток от первой пинты.

В те времена маленькие частные пивоварни в моду еще не вошли, поэтому в большинстве заведений на выбор предлагались одни и те же пять сортов в разных вариациях – смотря с каким поставщиком владельцы заключили контракт. «Прожектор» также не был исключением из правил. Самое экзотическое, что там можно было заказать, – пиво «Старая Вена», которое теперь мы требуем исключительно шутки ради. Например, если пригласят на свадьбу к дальним родственникам и проходит торжество в маленьком провинциальном городке, в зале Королевского канадского легиона.

Также за столом в тот исторический вечер собрались Руперт Трелфолл, Костас Ксенопулос, Тео Ломан и Дэйв Окслейд – отцы-основатели.

Немудрено, что с такими именем и фамилией Руперт с шести лет настаивает, чтобы к нему обращались исключительно РТ. Дружим мы с четырех лет. Трелфоллы были первыми соседями, с которыми мы познакомились в новом городе, когда наша семья переехала в Уэстхилл. Впрочем, ничего удивительного – мы с РТ были ровесниками, учились в одной школе и играли в одном парке. Остальную часть населения района составляли главным образом пенсионеры, поэтому наша дружба была, можно сказать, неизбежна. Мы с РТ играли в одной бейсбольной команде и вместе поступили в старшую школу, где у нас обоих развилось непреодолимое желание при первой возможности свалить из нашего болотца. РТ тоже был на втором курсе, только изучал музыку. В группе «ООН» РТ начнет играть только через несколько лет. Потом покинет коллектив из-за творческих разногласий. Через полгода альбом группы займет первое место в хит-параде журнала «Биллборд».

РТ с детства был музыкальным мальчиком. Когда нам исполнилось семь, родители записали нас обоих на уроки игры на фортепьяно. В отличие от меня РТ не только сумел продержаться больше пяти занятий, но вдобавок освоил скрипку, гитару и барабаны, причем с такой легкостью, будто с рождения на них играл. В вопросах, касающихся музыки, у РТ на все есть свое мнение. По мере того как росло его мастерство и профессионализм, РТ избавился от застенчивости новичка и начал смело делиться своими взглядами с преподавателями. Те в ответ советовали ученику реализовывать свой творческий потенциал в другом месте. Постепенно эта склонность в любой ситуации высказывать свое мнение распространилась на все

сферы его жизни, в результате чего РТ стал известен как человек с невыносимым характером. Зная его много лет, могу подтвердить, что репутация эта заслуженная.

Зато Костас – совсем другой типаж. Познакомились на первом курсе университета. Оба в качестве предметов по выбору предпочли гуманитарные науки. Кажется, Костас тогда усиленно добивался исключения с факультета международных отношений. С экономического в Торонтском университете его уже попросили. А до этого – с факультета бизнеса и делового администрирования в Мохоке. Как нетрудно догадаться, получить образование было не главной целью Костаса. Для него весь смысл студенческой жизни заключался в том, чтобы пьянствовать, знакомиться с симпатичными девчонками и отрываться по полной. Разумеется, насколько позволяют возможности организма. И учебного заведения.

Все это сходило Костасу с рук, потому что его отец Ставрос – управляющий хедж-фондом и состояние его оценивается в миллиарды долларов. Костас по-прежнему живет с родителями в огромной усадьбе в Роздейле. Для того чтобы ее построить, пришлось выкупить и снести три дома. Своими глазами видел, как Костас за один танец запихнул стриптизерше в стринги сумму, которую среднестатистический канадец зарабатывает за год.

До сих пор удивляюсь, почему он тусовался с нашей компанией. Когда напрямик поинтересовался у Костаса, что мешает ему нежиться на палубе собственной яхты где-нибудь в Адриатическом море, тот ответил, что другие представители золотой молодежи нагоняют на него скуку. Мол, этим лишь бы засветиться на престижном благотворительном аукционе или балу. Конечно, сам Костас в бедности не рос. Отец разбогател, когда сыну было лет тринадцать – четырнадцать, но и до этого семья, мягко говоря, не голодала. Тем не менее в великосветских кругах бедняга чувствовал себя не в своей тарелке.

Рядом с Костасом сидела полная его противоположность. Тео Ломан был на три года старше нас и уже устроился на солидную, настоящую работу – служил актуарием в крупной компании, занимавшейся перестрахованием. Что такое «перестрахование», я не знал. Пришлось спрашивать. Тео пустился в подробные объяснения, в общих чертах сводившиеся к тому, что их фирма продает страховки страховым компаниям. Остальная же часть рассказа оказалась невыносимо скучной, полной профессиональных подробностей и слов вроде «суброгация» и «дифференцированные резервы». Все, кто не являются коллегой Тео, значения этих слов не знают – и знать не хотят.

Большого интроверта, чем он, не встречал никогда. Остается только удивляться, как мы умудрились не только познакомиться, но и сдружиться. Одно время РТ работал неполный день в музыкальном магазине «Ультразвук» в районе Аннекс – ныне заведение закрыто. Кажется, однажды Тео заглянул туда в поисках самоучителя игры на электрогитаре. РТ предложил давать ему уроки. Так и разговорились. Дальше основ Тео не продвинулся. Впрочем, для того, чтобы вдохновенно рубить на подключенной к усилителю гитаре песню «Разрушитель», наш Тео недостаточно крепок духом. Однако друга в результате музыкального фиаско приобрел.

Примерно в это же время Тео сделал предложение девушке, с которой встречался еще со школы. Родители невесты, радикальные католики, категорически не желали, чтобы их дочурка жила во грехе в большом городе. Поэтому Тео каждый день приходилось мотаться на поезде из Ньюмаркета в Торонто и обратно. Поскольку у Тео была постоянная работа и пусть маленький, но собственный домик, мы глядели на него снизу вверх, как на взрослого человека, случайно затесавшегося в наш детский сад. Но, несмотря на все признаки зрелости и состоятельности, Тео был робок, как нищая церковная мышь, и собственное мнение высказывал, только если на него хорошенько надавить. Я тогда частенько шутил, что, если столкнуть Тео с Костасом, они аннигилируют, как частица и античастица.

И наконец, в нашу компанию входил будущий муж моей сестры. В те славные деньки он был просто Дэйвом. В Дэвида С. Окслейда превратился, когда вступил в Гильдию режиссеров. Кажется, в списке уже был Дэйв Окслейд. А может, и нет. В любом случае уже тогда он был

редкостным занудой, способным вынести мозг кому угодно, и не утратил этой потрясающей способности по сей день. Вот только волос у Дэйва было чуть-чуть больше, поэтому в те времена он не так сильно смахивал на певца Моби, как сейчас. Кинематографическое мастерство Дэйв изучал в колледже Хамбера и искренне полагал, что этого достаточно, чтобы сделать его суждения истиной в последней инстанции.

– Оригинальная версия лучше, – произнес он, наградив меня снисходительной улыбкой, после которой захотелось надеть грейпфрут ему на нос и использовать в качестве соковыжималки. – Сцены на плантации добавляют исторический и политический контекст, который, на мой взгляд, представляется излишним. А зайчики «Плейбоя», продающие себя за две бочки топлива? Сексистские мотивы фильм совершенно не украшают. Но хуже всего сцена, в которой Мартин Шин крадет доску для серфинга. Он смеется! Нет, серьезно – смеется! Как вам это нравится? А потом Роберт Дюваль отправляется искать доску на вертолете. Вся история превращается в чистой воды фарс! Почему бы тогда просто не переснять фильм с Джимом Кэрри в главной роли?

– Сначала собирались снимать Харви Кейтеля, – робко вставил Тео. – Но у него случился сердечный приступ.

– Нет, – поправил я. – Сердечный приступ был у Шина. А Кейтель просто не подошел.

– Костасу понравились сиськи, – сообщил Костас, помахав в воздухе стодолларовым банкнотом, чтобы привлечь внимание официантки.

Уже тогда у Костаса была привычка говорить о себе в третьем лице. Должно быть, нахватался от отца, так толком и не освоившего английский. Но мы на такие мелочи внимания не обращали, потому что имелась у Костаса еще одна неистребимая привычка – платить за всю компанию. К тому же с ним было весело, и денег у него было больше, чем у легендарного Креза.

– Еще всем пива! Выпьем за сиськи!

К тому времени Дэвид встречался с моей сестрой два месяца. Она только что получила диплом повара в колледже Джорджа Брауна и устроилась на работу в ресторан в Данфорте. Недавно они стали жить вместе. Сняли крошечную квартирку в районе Этобико, потому что оттуда Дэйву близко было ездить на учебу. Сестра же добиралась на работу на нескольких видах транспорта и в среднем тратила на дорогу туда и обратно по два часа в день. Мне Дэйв сразу не понравился. Во-первых, он был убежденным консерватором, меня же, наоборот, всегда тянуло налево – в политическом смысле, разумеется. А еще была у него привычка вечно жаловаться на мошенников, получающих пособие обманом, дефицит бюджета и разорительные социальные программы, из-за которых налоги все больше бьют по карману. И это притом, что ни работы, ни недвижимости у Дэйва не было, поэтому налогов он вообще не платил – ни муниципальных, ни региональных, ни федеральных. Вдобавок Дэвид, не чувствуя иронии и нисколько не смущаясь, рассуждал о своем намерении поучаствовать во всех существующих конкурсах на гранты, чтобы добыть денег на свой первый киношедевр. Охватить он собирался и Совет Канады по искусству, и студию «Телефильм». У Дэйва к тому времени были готовы два полноценных сценария: для малобюджетного фильма ужасов и оптимистичной семейной комедии. В первом главный герой, заключенный, вынужден был есть сам себя, чтобы не умереть с голоду. Название у сценария было назидательное – «Диета убивает». А в комедии для всей семьи кошка, больная лейкемией, принимала участие в танцевальном конкурсе. Тут Дэйв решил не изобретать велосипед и назвал свое произведение просто – «Танцующая кошка».

Единственная причина, по которой Дэйв водил с нами компанию, – он недавно приехал из Калгари учиться и никого здесь не знал. Сестра буквально на коленях умоляла взять его с собой в кино. Пусть Дэйв почувствует себя в Торонто как дома. А то он уже стал поговаривать о переезде в Нью-Йорк или Лос-Анджелес, а сестра не хотела срываться с места, пока не встанет на ноги в плане карьеры. Несмотря на то что в Торонто ежегодно проходит кинофести-

валь, Дэйв насмешливо именовал наш город «кинематографическим захолустьем». Забавно слышать такое от уроженца городка со звучным названием Коровий Брод.

– Хорошо, признаю: улучшенная цветопередача и в самом деле радует глаз, – смягчился Дэвид. – Но если интересуют вырезанные эпизоды, лучше разыщите пиратскую версию продолжительностью двести восемьдесят девять минут.

– В первый раз про такую слышу, – сказал РТ.

– Сам не смотрел, – вынужден был сознаться Дэвид. – Но вступительный монтаж там длиннее, и вообще, много всего другого... Кажется, песня «The Doors» в этой версии использована полностью, а не частично.

– «The Doors». – РТ презрительно хмыкнул и покачал головой. – Самая переоцененная группа в истории музыки. Правда, потом еще появилась «Nirvana»...

– Думаешь, группу «Nirvana» превозносят незаслуженно? – уточнил Тео.

– Ясное дело! – возмутился РТ. – Группа одной песни. Конечно, никто не хочет в этом признаваться, но если бы не «Повеяло молодостью», кто бы их сейчас знал? Кобейн сам не отрицает, что гитарист из него хреновый. Больше скажу – признался, что стиль позаимствовал у группы «Pixies». Громко-тихо-громко. А вообще, и то и другое – барахло.

– Зато телочки в клипе зачетные, – возразил Костас. – Чирлидерши. Ох и горячие штучки. Костас любит татуировки.

– Значит, «Pixies» тоже не одобряешь? – приуныл Тео.

Недавно он начал интересоваться музыкой, и «Pixies» стали для него потрясающим открытием. До этого слушал только исполнителей, которые нравились его девушке, – то есть главным образом Нила Даймонда и Тома Джонса. Только сейчас Тео начал понимать, что музыка может быть громкой, нахальной, вызывающей и даже опасной. Свои любимые альбомы Тео покупал в одиночестве и наслаждался ими тоже втайне, как другие порнографией.

– «Surfer Rosa» еще ничего, – продолжил РТ. – Но в последнее время и у них пошла тоска зеленая. Из всего альбома «Дулитл» только четыре песни приличные.

– А по-моему, режиссерская версия все равно круче основной, – объявил я, чтобы вернуть беседу в кинематографическое русло. По опыту знал: если позволить РТ сесть на любимого конька, остальным придется до конца вечера выслушивать обличительную речь о том, почему наши музыкальные вкусы скоро погубят западную культуру. Не то чтобы РТ считал, будто с кино дело обстоит лучше, но, по крайней мере, тут я был на твердой почве. Про большинство любимых групп приятеля даже не слышал.

– Не думаю, что сцены на плантации лишние. Наоборот, они многое объясняют. А кража доски для серфинга – эпизод скорее сатирический, чем юмористический. Ну а по поводу сисек... Что ж, эти сцены наглядно демонстрируют, ради чего мужчины, собственно, воюют.

– Неужели ради сисек? – спросил Тео.

– А что, сам бы не отказался! – оживился Костас. – Ради сисек Костас на Марс полетит! Заплатит по тысяче долларов всем женщинам мира, чтобы показали Костасу свои дыньки!

– Когда тусовались в прошлые выходные, – припомнил я, – ты почти достиг этой цели.

– Костас трудностей не боится. Через тернии к звездам!

– В твоем случае – через персональных ассистенток к звездам, – пробормотал я.

– Ну, с кем на этот раз замутил? – поинтересовался РТ.

– Костас своими победами не хвастает.

– Ага, особенно когда нарежется так, что их не помнит, – прокомментировал я и повернулся к РТ: – Знаешь такую симпатичную брюнетку? Детскую программу ведет? Забыл, как называется. Она там еще в фуражке, как у кондуктора, и танцует с тремя куклами. Ну, танцует – два притопа, три прихлопа. И студия так стремно оформлена, в стиле доктора Сьюза – пестренько, аж в глазах рябит...

– «Веселые дразнилки»! – радостно воскликнул Тео, хлопнув рукой по столу.

– Да, что-то вроде того.

– Секундочку, – вмешался РТ. – А ты-то с какой радости так хорошо в детских программах разбираешься?

Тео смутился и пожал плечами:

– Случайно видел. Мельком. Как-то раз переключал каналы и наткнулся.

– Не гони! – отмахнулся РТ. – Каналы он переключал! Спорим, каждую неделю на эту цыпочку любишься?

– Между прочим, она там даже не каждый раз! – вяло отбивался Тео. – В программе трое ведущих!

– Так и знал! – обрадовался РТ. – Прямо перед теликом себя ублажаешь или все-таки в ванную уходишь? Ах ты, извращенец... педофил...

– С каких пор одним глазком взглянуть на симпатичную девушку – извращение? – отбивался Тео. – А педофилия здесь вообще ни при чем!

– Одним глазком, как же. Ври больше!

– И вообще, ведущей, которую мы обсуждаем, никак не меньше двадцати, – прибавил Тео.

– Надеюсь, – произнес я. – Иначе нашего друга Костаса упекут за решетку.

– Костас не хочет в тюрьму, – подключился к обсуждению тот. – Хотя в старших классах Костас сказал консультанту по выбору профессии, что мечтает работать охранником в женской тюрьме.

Между тем принесли еще пива, и Костас вручил официантке стодолларовую купюру. Бедняжка даже растерялась – сначала лишилась дара речи, потом собралась бежать за сдачей. Костас сказал, что если она за чем-то и должна сбежать, так это за новой порцией пива, а насчет сдачи может не беспокоиться. Девушка ответила чуть испуганной улыбкой и поспешно скрылась в кухне.

– Надо придумать какой-нибудь повод, чтобы почаще собираться, – произнес Тео, окинув взглядом выставленные перед ним две с половиной пинты. Судя по выражению лица, он явно сомневался в своих силах.

– Отличная идея, – поддержал Костас, уже расправившийся с первыми двумя пинтами и принявшийся за третью.

– Какой, например? – спросил Дэвид.

– Моя невеста Дориан состоит в книжном клубе, – проговорил Тео. – Сначала выбирают книгу, которую все должны прочесть, а потом через месяц собираются у кого-нибудь дома и обсуждают. В прошлом месяце хозяйкой была Дориан.

– Извини, приятель, но Костас не читает.

– Нет-нет, я не к тому веду, – возразил Тео. – Просто хотел сказать, что в университете состоял в киноклубе. Очень хорошая организация – обстановка расслабленная, неформальная... Впрочем, нас там было всего шесть человек.

– И что, вы раз в месяц все вместе ходили в кино? – уточнил я. – Как же в феврале и марте выкручивались?

Прокат в это время в помойку превращается – валят в одну кучу фильмы, которым не досталось кинопремий, и разную ерунду, которую только затем и выпускают, чтобы напихать побольше рекламы летних блокбастеров. Ну, организуем мы общество, а в кинотеатрах ничего стоящего.

– Нет, фильмы смотрели у кого-нибудь дома – как с книжным клубом, – ответил Тео. – Собирались и устраивали свой собственный киносеанс.

– Между прочим, классная мысль! – оживился РТ. – Какие фильмы смотрели?

– Любые. Какие угодно. Правда, у нас был клуб любителей кино семидесятых, поэтому единственное условие: чтобы фильм был снят или выпущен в семидесятые.

– Да, хорошего кино тогда было много, – кивнул я. – Но, если подумать, зачем ограничиваться десятью годами?

– Согласен, – подхватил Дэвид. – Ведь тогда за бортом останутся все фильмы французской новой волны! Не говоря уже о немецком экспрессионизме!

– Да-да, именно это и имел в виду, – язвительно пробормотал я.

– Я не предлагал накладывать жесткие рамки, – оправдывается Тео. – Будем смотреть все, что захотим.

– Ну, совсем без ограничений не обойтись, – возразил РТ. – А то вместо фильма кто-нибудь притащит музыкальный клип. Или покажет полсезона телесериала.

– Конечно, – кивнул Тео. – К показу будут допущены только фильмы.

Так родился наш киноклуб. С тем, что без правил далеко не уедешь, согласились все, поэтому решили тут же их сочинить. Весь список кое-как нацарапали на обратной стороне меню. Ныне он висит в рамке на почетном месте в редакции интернет-журнала, который мы с РТ вместе учредили. Брызги пива и пятна от соуса, с которым ели куриные крылышки, давно выцвели, но принципы остались нерушимы.

Киноклуб

Правила

1. Никому не рассказывать о киноклубе.

2. Правило № 1 обязательным к исполнению не является.

3. К показу будут допущены только полнометражные фильмы (то есть продолжительностью не менее семидесяти минут), которые демонстрировались (либо должны были демонстрироваться) в кинотеатрах. Телесериалы, ролики с YouTube и короткометражки не допускаются.

4. Запрещается устраивать просмотр фильма, который уже показывал другой член клуба (бывший или нынешний).

5. Запрещается ругать выбор других членов клуба, даже если в создании представленного фильма принимал участие кто-то из следующих лиц (либо все сразу): Стив Гуттенберг, Уве Болл, Том Шадьяк, Манодж Неллъятту Шьямалан, Адам Сэндлер (исключение допустимо в случае, если режиссером выступал П. Т. Андерсон), Майкл Бэй, Энди Уорхол, Лорна Майклсон, Роб Шнайдер. То же самое касается фильмов, чей рейтинг на сайте IMDb составляет 5 из 10 или ниже.

6. Член клуба, показавший что-то из перечисленного в пункте 5 (не считая исключения), будет немедленно изгнан из наших рядов.

Предлагали и другие правила. Например, специально для Костаса – «никакой порнографии». Однако его любимый киножанр в список решили не вносить, сочтя, что предупреждения вполне достаточно. Когда мужская компания традиционной ориентации устраивает совместный просмотр порнушки, ничего хорошего из данной затеи не получается. В этом пришлось убедиться на собственном опыте на вечеринке в честь дня первокурсника. Сказать, что атмосфера сразу становится неловкой, – значит ничего не сказать. Все сидят молча, уставившись прямо перед собой и избегая встречаться взглядами с другими присутствующими. Начинаешь чувствовать себя как в вагоне метро.

Кто-то предложил установить максимальный лимит на продолжительность фильма – не более трех часов. У этой идеи нашлись и плюсы и минусы. С одной стороны, не придется высиживать киномарафоны вроде «Берлин-Александрплац». С другой, исключается классика вроде «Лоуренса Аравийского» или второй части «Крестного отца». Поэтому данное предло-

жение решено было отклонить. РТ требовал запретить фильмы с субтитрами, но мы с Дэвидом в кои-то веки были единомышленны и вместе выступили против. Не хотелось перегружать устав запретами и строгими правилами, превращая чисто развлекательное мероприятие в собрание совета директоров. К тому же свободного места для новых правил на меню не осталось. И вообще, по мере возрастания количества выпитого предложения вносились все более экзотические. Например: «В каждом фильме должны быть сиськи!» или «В каждом фильме должны быть сиськи Дженнифер Коннелли!».

Первый кинопоказ в будущем месяце предстояло организовывать мне. Мы с РТ снимали на двоих крошечную двухкомнатную квартирку на втором этаже старого здания на Голден-авеню в районе Маленькая Италия. На первом этаже располагался рыбный магазин, а напротив – автомастерская, поэтому плату с нас требовали более чем скромную. Однако нет в мире совершенства: из-за двух вышеназванных обстоятельств шум и запах в квартире царили невыносимые. Цитируя поэтическое сравнение Костаса, воняло, «как у Анджелины Джоли между ног». Кстати, РТ живет на том же месте по сей день. Условия, правда, с тех пор улучшились: и рыбный магазин, и мастерская приказали долго жить. Теперь на первом этаже располагается редакция интернет-журнала «Крик Вильгельма», который мы с РТ основали после окончания университета. Но об этом позже.

Сам удивился, сколько времени решал, какой фильм выбрать. В конце концов остановился на «Касабланке».

Знаю, о чем вы сразу подумали: струсил и нашел самый безопасный, беспроблемный вариант. Фильм, стабильно занимающий место в первой пятерке по версии Американского института киноискусства. Одинаково любимая и критиками, и зрителями черно-белая классика с величайшими кинозвездами в главных ролях. Кино, подарившее нам множество запоминающихся цитат (хотя большинство их почему-то цитирует неправильно), и так далее, и тому подобное. Если хотел подобрать беспроблемный вариант, было только два пути: или «Касабланка», или «Гражданин Кейн». Последний, по общему мнению, следует считать лучшим фильмом всех времен и народов.

Но вот в чем штука. Сейчас сделаю шокирующее признание: ну не люблю я «Гражданина Кейна», и все тут! Строго говоря, это гораздо более амбициозный, сложный и смелый фильм, чем «Касабланка», снятая Майклом Кертисом год спустя. «Гражданин Кейн» был выпадом против Уильяма Рэндолафа Херста – человека, который в те времена считался кем-то вроде Руперта Мердока, братьев Кох и Билла Гейтса в одном лице. При съемках Грегг Толанд применил много новаторских методов, в том числе впервые использовал линзы с глубоким фокусом, благодаря чему стало возможно выстраивать композиции кадра, о которых до этого и не мечтали. Так был создан визуальный стиль, элементы которого до сих пор можно встретить практически во всех фильмах. Сценарий Орсона Уэллса и потрясающе талантливого Хермана Манкевича одновременно и блестящ, и бесстрашен. Услышав о проекте, Херст пустил в ход все свое немалое влияние, чтобы остановить съемки и запретить показ фильма. А когда «Гражданин Кейн» хоть и не без большого труда, но все же вышел на экраны, Херст наложил строжайший запрет на рекламу фильма в принадлежавших ему СМИ – а тогда это были почти все газеты. Магнат даже пытался выкупить у студии пленку, собираясь сжечь ее. Тем не менее в прокате картина провалилась, а Оскар за лучший фильм достался драме «Как зелена была моя долина». Карьера Уэллса, и до того не слишком успешная, резко пошла вниз. Последующие фильмы выходили в сокращении, безжалостно порезанные продюсерами. В других случаях ему ставили палки в колеса, в результате чего съемки оказывались сорваны. А от остальных проектов Уэллс отказался сам.

«Касабланка» же, наоборот, представляла собой очередную шаблонную мелодраму, из тех, которые студия «Уорнер Бразерс» стабильно выпускала штук по двести в год. Фильм был снят по мотивам пьесы, спектакль по которой поставить еще не успели. Называлась она

«Все приходят к Рику», однако из-за успеха фильма «Алжир» сценарий решили переименовать. Увы, даже тогда студии во всем, что касалось маркетинга, следовали принципу стадного инстинкта. «Африканские названия – это тема!» Над сюжетом поработала большая группа сценаристов, после чего снимать фильм доверили режиссеру, для которого английский был не родным языком. Богарт тогда уже стал звездой, но первой величины еще не достиг. Заполучить на главную роль его экранную партнершу Бергман считалось гораздо большей удачей. По ходу дела в сценарий неоднократно вносились изменения, в результате чего многое приходилось переснимать. Чем закончится эта успевшая всем опостылеть история, никто из участников съемок понятия не имел. И вообще, ничего особенного от фильма не ждали.

Результат известен всем – даже тем, кто «Касабланку» не смотрел. Без сомнения, ни один фильм в истории мирового кинематографа не пользуется настолько всеобщей любовью. Причем совершенно заслуженно. Больше великолепных сцен за минуту экранного времени ни в одном фильме не найдете. Хотя надо признать, что в этом смысле картине почти наступает на пятки «Крестный отец».

А реплики! Одна лучше другой! «В Нью-Йорке есть кварталы, майор, в которые я бы не советовал вторгаться». «Кто вы по национальности? – Пьяница. – Это дает Рику право считаться гражданином мира». «Ты ведь меня презираешь? – Если бы я хоть иногда вспоминал о тебе, то, наверное, презирал бы». Заметьте: это даже не самые знаменитые и цитируемые реплики. К сожалению, те фразы якобы из «Касабланки», которые чаще всего цитируют, отношения к фильму не имеют. Например, за всю картину никто из героев не произносит фразу: «Сыграй это снова, Сэм!» Наиболее близкая по смыслу реплика: «Если она это выдержала, то смогу и я. Играй!» Все самые забавные шутки приписывают сценаристам-близнецам Джулиусу и Филипу Эпштейнам. Говорят, на съемочной площадке братья своими розыгрышами доводили Джека Уорнера до белого каления. В конце концов он не выдержал и в отместку заявил на них в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Когда во время разбирательства близнецов спросили, состоят ли они в организациях, ведущих подрывную деятельность, Эпштейны бодро ответили: «Да. В «Уорнер Бразерс».

Для меня – и наверное, для многих других зрителей – остроумные реплики в «Касабланке» – основа, на которой держится весь фильм. Возможно, именно благодаря им он даже спустя столько лет остается все таким же популярным и любимым. Можно сколько угодно петь дифирамбы «Гражданину Кейну», но этот фильм относится к собственной персоне очень серьезно и по части самоиронии определенно проигрывает. Не говоря уже о трогательности и сердечности. Обычно над фильмами не плачу, но сцена в «Касабланке», когда все в кафе хором затягивают Марсельезу, чтобы заглушить поющих нацистов, каждый раз превращает меня в сопливый студень.

А основная ирония заключается в том, что по жанру «Касабланка» – романтическая мелодрама. Но, должен признаться, для меня любовная линия – самая неубедительная часть фильма. Верю ли я, что герои Богарта и Бергман безумно влюблены друг в друга? Нет. Имеет ли это значение? Ни в малейшей степени. Короче говоря, сводится все к тому, что я уважаю «Гражданина Кейна», но не люблю его. Так же героиня Бергман восхищается благородным борцом чешского Сопротивления Виктором Ласло, но сердце ее безраздельно принадлежит простому и прямолинейному американцу Рику Блейну.

Единственным членом клуба, который уже смотрел фильм, естественно, оказался Дэвид. В ходе дискуссии он пренебрежительно критиковал «Касабланку» за «конвейерную сентиментальность» и утверждал, что, если фильм приподнялся чуть-чуть выше среднего студийного уровня, это еще не повод его превозносить. Излишне говорить, что после таких рассуждений сам Дэвид в моих глазах отнюдь не поднялся. Кажется, именно в этот момент я понял, что мы с Дэвидом С. Окслейдом смотрим на одни и те же вещи под совершенно разными углами, объединить которые – задача из разряда невозможных. Но, к счастью, «Касабланка»

в защите не нуждается. Фильм стабильно занимает верхние позиции в десятке лучших фильмов всех времен. Чаще всего «Касабланка» на третьем месте, но ниже пятого не опускается никогда. С человеком, который не любит «Касабланку», приятельствовать можно, но крепко дружить – никогда. В чрезвычайных обстоятельствах, когда дружба проверяется на прочность, одни хором запоют «Стражу на Рейне», а другие – Марсельезу. У нас же с Дэвидом никакого дуэта не получится, каждый затынет свою песню.

Но остальные фильм хвалили. Дэвид, конечно, настоял, что теперь его очередь. Заниматься угощением предоставил моей сестре – ну хоть в чем-то повезло. Для показа выбрал очень некачественно переписанную копию «Четырехсот ударов». Причем название подчеркнуто произносил исключительно на французском языке.

Я, конечно, хорошо отношусь к фильму Трюффо, но это совсем не та вещь, под которую можно расслабиться субботним вечером за домашней лазаньей и пивом. Хотя насчет расслабления, пожалуй, ошибся. Когда после финального статического кадра в комнате стало тихо, отчетливо послышался угрожающий рокот – как оказалось, это был храп Костаса. Все присутствующие сидели и молчали, поэтому единственным другим звуком в комнате были приглушенные крики соседей сверху, ругавшихся на фарси. Торопясь прервать неловкую паузу, Дэвид принялся читать подробную лекцию о французской новой волне и ее влиянии на современный кинематограф, от Содерберга до Тарантино. Дэвид, наверное, вещал бы еще долго, но тут Костас вздрогнул, проснулся и предложил всем вместе пойти в бар. Тео отпросился, сказав, что дома его ждет невеста. Думал, Дэвид тоже откажется – ну не бросит же он в самом деле сестру одну наводить порядок на кухне! Однако Дэвид с радостью согласился продолжить дискуссию в питейном заведении. Я же рассудил, что перемена места как нельзя лучше способствует перемене темы, поэтому тоже пошел. РТ присоединился.

Было это почти десять лет назад. Рад сообщить, что наш киноклуб все еще продолжает свою работу. Однако с тех пор многое переменялось – во всяком случае, для меня. Для остальных же... Не сказал бы.

Глава 2

В этом году мне исполняется тридцать. В детстве девятнадцатилетние парни казались зрелыми мужчинами. Но, когда самому стукнуло девятнадцать, ни зрелым, ни хотя бы просто взрослым себя не почувствовал. Должен сказать, что за прошедшие десять лет ощущения не поменялись. Правда, кое-какие атрибуты, которыми полагается обладать взрослым людям, у меня имеются – отдельное, пусть и съемное жилье, постоянная работа и хрустальный графин, которым даже один раз пользовался по прямому назначению. Так что, думаю, экзамен на зрелость можно считать сданным на крепкую троечку.

На цифры в документах внимания не обращаю, так называемым вехам и этапам значения не придаю, поэтому предстоящий тридцатилетний юбилей меня совершенно не беспокоит. Списков дел, которые надо обязательно успеть сделать до тридцати, тоже не составлял.

В голову не приходило ставить себе ультиматумы и решать, что до тридцатого дня рождения и ни днем позже я обязан прыгнуть с парашютом или побывать в Париже. Второй пункт, кстати, выполнил, но по дороге желание выпрыгнуть из самолета не посетило. Должно быть, Тео виноват. У него, как у профессионала, есть доступ к статистике несчастных случаев. Представить себе не можете, сколько людей каждый год гибнут или получают тяжелые травмы из-за самой обыкновенной гравитации. Ее, а вовсе не гипертонию, следует признать молчаливым убийцей. Разумеется, за исключением тех случаев, когда жертвы орут всю дорогу до земли, обнаружив, что забыли парашют под сиденьем.

Год основания киноклуба оказался для меня знаменательным еще по одной причине: я опубликовал свой первый роман. С перерывами трудился над ним четыре года – то бросал, то снова брался за дело. На первом курсе как бы случайно разговорился с преподавательницей, которая сама являлась автором двух книг, и попросил прочесть мой труд. Преподавательнице рукопись понравилась настолько, что она согласилась передать книгу своему литературному агенту. Ему рукопись понравилась настолько, что он разослал ее в несколько издательств. Одному из них рукопись понравилась настолько, что ее – о чудо – напечатали. Вышла книга, когда я уже перешел на третий курс. Мой труд получил парочку малоизвестных премий и продавался достаточно хорошо, чтобы дать автору возможность не спешить с поисками работы сразу после получения диплома. Последнее обстоятельство оказалось очень удачным, поскольку работы тогда все равно не было. Правда, меня с радостью готовы были принять в качестве стажера в одно из крупных ежедневных изданий – если, конечно, я ничего не имею против двенадцатичасового рабочего дня и отсутствия зарплаты. Мне предложение соблазнительным не показалось.

РТ завершил образование в одно время со мной, и перспективы трудоустройства у него тоже были, мягко говоря, не радужные. Устроился официантом, однако был уволен. Так РТ сменил несколько ресторанов, а в свободное время пытался раскрутить свои музыкальные проекты. Но распады новых групп происходили с той же регулярностью, что и увольнения. Причем история всегда выходила одна и та же, будто под копирку. На одном из живых концертов, на которые РТ ходил регулярней, чем на работу, он познакомился с единомышленниками. Совместная любовь к малоизвестной прогрессивной рок-группе семидесятых или джазовому барабанщику шестидесятых сразу связывала этих меломанов крепкими узами. Если новые знакомые тоже музицировали – а чаще всего так оно и было, – пару недель они в свое удовольствие баловались любимой забавой в подвалах, гаражах и заброшенных складских помещениях. Одновременно пара пыталась понять, куда ведут их отношения. Но увы – счастье обычно длилось недолго. Стоило РТ уличить друга в измене музыкальным идеалам или тайной порочной страсти («Как можно любить Боба Моулда? А «Judas Priest»? Пасть так низко!..»), и союз всей жизни незамедлительно расторгался.

Поначалу я еще пытался взывать к его благоразумию:

– РТ, сними наконец розовые очки и признай, что идеала не существует. Маленькие недостатки – это нормально, у всех они есть. Придется стерпеть пару слабостей, иначе до конца карьеры так и будешь выступать в одиночестве. А твоя специальность, напомним, ударные. Жаль тебя разочаровывать, но ни разу не слышал, чтобы барабанщик один собрал стадион Мэдисон-сквер-гарденс.

Но РТ лишь печально качал головой и пытался объяснить, почему для него принцип «стерпится – слюбится» неприемлем.

– Нет, тебе не понять. Только не обижайся, приятель, но ты в музыке ни хрена не смыслишь. От «U2» балдеешь. О чем тут еще говорить? Но ты-то в музыканты лезть не пытаешься, поэтому меня твои вкусы не смущают. А в нашем деле компромисс смерти подобен. Согласен, звучат твои советы разумно. Но боюсь, такими темпами скоро докачусь до того, что буду выступать на разогреве на ковбойском фестивале в Калгари, распевая кавер-версии песен Бон Джови перед кучкой пьяных олухов, для которых что Бон Джови, что «Бон Айвер» – одно и то же. А это, друг мой, музыкальная смерть.

Примерно тогда мы и решили основать интернет-журнал о кино, музыке, искусстве. Назвать решили в честь классического звукового эффекта, который используют в кино, когда кто-то, например, падает с большой высоты или оказывается пронзенным стрелой, – «Крик Вильгельма». Тогда нам эта идея казалась крутой. Сначала дела шли вяло. РТ писал рецензии на новые альбомы – чаще всего уничижительно-язвительные. Я пытался договориться об интервью с одним из трех-четырех музыкальных коллективов, которые одновременно бы нравились РТ и согласились дать интервью нашему скромному изданию. В свободное от этого многотрудного занятия время писал рецензии на фильмы и книги. Со временем у нашего журнала даже появились постоянные читатели – в основном благодаря скандально известному интервью, которое РТ брал по телефону у Билли Коргана. Первый вопрос был такой: «Скажите, вы нарочно пишете дерьмо или оно рождается спонтанно, в процессе импровизации?»

Как вы, наверное, уже догадались, после такого начала о светской беседе не могло быть и речи. Полный текст интервью в письменном виде, то есть все три минуты двадцать две секунды, был выложен на нашем сайте. Его у нас мгновенно расхватили многочисленные новостные ресурсы. За четыре часа сайт нашего журнала посетило больше народу, чем за все предыдущие четыре месяца. Нами даже заинтересовались рекламодатели. Как раз в это время рыбный магазин на первом этаже закрылся. Владельца арестовали за то, что организовывал нелегальные бои рыб с угрожающим названием «львиная скорпена». Освободившееся помещение арендовали мы и устроили там редакцию. Я был занят встречами с читателями и прочей рекламной ерундой, поэтому почти вся административная и хозяйственная работа легла на плечи РТ. Друг таким распределением обязанностей остался недоволен и предложил нанять помощника. Разговор шел по телефону. Я, совсем обалдевший от бесконечных перелетов, сидел в аэропорту то ли Ванкувера, то ли Виннипега, поэтому согласие дал не думая, на автопилоте.

Так РТ ввел в нашем журнале программу для стажеров. Состояла она в следующем: выбрать из соискателей самую привлекательную кандидатуру женского пола, сваливать на нее всю работу, которой неохота заниматься самому, по возможности затащить в постель, а год спустя под тем или иным предлогом выставить за дверь, чтобы освободить место для следующей. Я предупреждал, что из-за этих его «испытательных сроков» у нас могут быть проблемы, так что лавочку пора сворачивать. Но РТ поступил с этим моим советом так же, как и со всеми предыдущими, то есть полностью проигнорировал.

– Между прочим, это называется «сексуальные домогательства на рабочем месте»! – взывал к совести РТ я. – Используешь свою власть над этими бедными наивными девушками, готовыми от отчаяния ухватиться за любую работу! Допрыгаешься! Что будем делать, если одна из твоих стажерок в суд побежит?

– Расслабься, – отмахнулся РТ. – Эти девушки всего на пару лет моложе нас с тобой. Какая наивность в таком возрасте? Ну а то, что они хотят со мной переспать... Что ж, при моем роде занятий это неизбежное зло. Я ведь музыкант. Чтобы завоевать знойную красотку, мне вовсе не обязательно использовать для этого должность редактора в убогом интернет-журнальчике. И вообще, с каких пор тебя начали интересовать дела редакции?

Последнее обвинение было справедливым. Журнал я и впрямь совсем забросил. Был слишком занят, участвуя в рекламной кампании первой книги и одновременно работая над второй. Увы, не было времени следить, какому именно мастерству РТ обучает наш персонал.

Насчет музыкальной успешности он тоже говорил чистую правду. Во всяком случае, РТ в кои-то веки удалось в первые же пять минут не рассориться с группой аж из нескольких человек. Коллектив под названием «ООН» являлся андерграундным, однако уже начал набирать вполне весомую популярность. Их дебютный сингл «Стандарты не для нас» даже привлек внимание звукозаписывающих компаний. Два раза бывал на концертах «ООН» и успел познакомиться с другими музыкантами группы. Солист и гитарист были однойцовыми близнецами. Они были родом из Норвегии и смахивали на двух белых медведей – высоченные, здоровенные блондины. Во время выступлений стояли по разные стороны сцены в одинаковых черных костюмах. А еще у них была привычка меняться местами и во время мероприятий и интервью выдавать себя друг за друга. Рыжая бас-гитаристка родом из Монреала одевалась так, будто до «ООН» играла в женской панк-группе семидесятых, и почти не говорила по-английски. А татуированный с ног до головы клавишник всегда выступал в черном сомбреро. Весь коллектив вместе смотрелся как причудливый гибрид готической группы и фанк-коллектива «Parliament-Funkadelic».

Тем не менее песни у них были хорошие. На мой вкус, немножко грубоваты и сыроваты, зато энергия во время выступлений была не просто ключом, а фонтаном. Музыка была бодрая и настолько своеобразная, что, один раз услышав песни «ООН», потом их нельзя было ни забыть, ни перепутать с чем-то другим. Их направление представляло своеобразное сочетание «Joy Division», «Talking Heads», «My Bloody Valentine» и «The Spinners».

Первые живые концерты группы проходили в крошечном клубе на Джон-стрит под названием «Дядюшка Боб» (ныне приказавшем долго жить). Там торговали алкоголем без лицензии, однако «ООН» медленно, но верно поднимались вверх по пищевой цепочке. РТ уходил на выступления и репетиции почти каждый вечер. Группа как раз записывала первый альбом и планировала приурочить к дате его выпуска тур по Канаде. Вместо того чтобы продаться одному из крупных звукозаписывающих лейблов, ребята решили продвигать свою музыку сами.

Дела шли хорошо, перед коллективом открывались новые горизонты.

И тут РТ, конечно, пришел к выводу, что группа обмельчала и выродилась. Другие музыканты для альбома хотели перезаписать некоторые из лучших песен и сделать ремиксы. РТ, конечно, был категорически против. Первоначальные версии казались ему идеальными. Менять их – только портить. Новые песни группы РТ тоже не нравились. Ширпотреб, говорил мой друг. Независимый коллектив на его глазах превращался в кучку презренных конформистов, променявших свободу творчества на погоню за наживой.

Страсти накалялись, и закончилось дело тем, что РТ из группы выгнали. Или он сам ушел – смотря чью версию событий вы слышали. Зная РТ, предполагаю, что его, как обычно, уволили. Впрочем, какое это имеет значение? В любом случае ему заплатили последний гонорар, а право на исполнение сочиненных им песен группа закрепила исключительно за собой. На место РТ взяли двоюродного брата бас-гитаристки, который по-английски говорил еще хуже, чем она.

Через полгода дебютный альбом «ООН» под названием «Октан» занял шестнадцатое место в хит-параде журнала «Биллборд», а еще через три недели добрался и до первого. В

основном способствовал успеху тот самый написанный при непосредственном участии РТ сингл «Стандарты не для нас». Позже песню использовали в рекламе нового айфона. Потом «ООН» отправились в мировое турне, попали на обложки «Роллинг Стоун» и «Кью», выступали в программе «Субботним вечером в прямом эфире» и стали хедлайнерами фестиваля в Гластонбери.

Музыкант благоразумный с достоинством признал бы поражение, начал бы с чистого лица с другим коллективом, фиаско записал бы в разряд неприятного, но полезного опыта и впредь учился бы на своих ошибках. Все вышеперечисленное – прямая противоположность того, как поступил РТ. Вместо этого поместил на сайт «Крика Вильгельма» длинную статью, в которой подробно излагал свою версию событий, прозрачно намекая, что своим триумфом группа обязана ему. Но когда адвокаты группы пригрозили подать в суд, статью пришлось убрать. За это РТ обозвал меня жалким трусом и заявил, что у «ООН» кишка тонка, поэтому надо было идти ва-банк. Я напомнил, что у его бывших товарищей по группе, в отличие от нас, есть миллионы на адвокатов. Если РТ немедленно не запишет платиновый альбом, мы попрем с голоду, не дождавшись окончания судебного процесса.

Пришлось РТ ограничиться разгромными статьями об альбомах, синглах, концертах и любом другом творчестве группы, с которым ему удавалось ознакомиться. Как-то раз РТ написал критическую статью объемом в пятьсот слов о посте одного из участников «ООН» в «Фейсбуке». Пытался втолковать РТ, что во всем надо знать меру. Вдобавок от его мстительности страдает наш собственный журнал. Когда-то преисполненные энтузиазма рекламодатели теперь в нас разочаровались. РТ больше всерьез не воспринимали. Бедняга превратился в ходячий анекдот. В шутку его прозвали чокнутым незаконнорожденным сыном Стю Сатклиффа и Пита Беста, первых уволенных барабанщиков «Битлз». Посещаемость сайта упала почти до нуля. Заглядывали к нам только интернет-тролли, почуявшие легкую мишень. Еще бы – одного хэштега было достаточно, чтобы спровоцировать РТ на обильные и комичные в своей нелепости потоки брани.

Чтобы заставить приятеля взяться за ум, пришлось пригрозить закрыть журнал. С этого момента РТ поклялся не писать про «ООН» ни единого слова, и мы договорились больше эту группу не упоминать – даже в разговорах. Теперь РТ снова пишет сокрушительные рецензии о творчестве других музыкантов, а в свободное время сидит за синтезатором. Говорит, что работает над ретро-прогрессивной панк-оперой, что бы это ни означало. РТ по-прежнему спит со стажерками, которых меняет как перчатки. Преширяться с ним на эту тему перестал, иначе наше дружеское общение рисковало обернуться сплошными спорами. Если никто не затевает публичных скандалов и не грозит нас засудить, мое дело сторона.

Тем более что у меня тогда своих проблем хватало. Права на экранизацию моей книги приобрела киностудия. Правда, агент предупредил, что это обычная практика – права студии на всякий случай скупают пачками, а чести увидеть свое произведение на экране удаиваются считанные единицы. Поэтому мне остается только положить денежки в карман и бежать, пока руководство студии не опомнилось. Вдобавок издательство, выпустившее книгу, купило другое, гораздо более крупное американское издательство, которое теперь требовало, чтобы я предоставил им рукопись второй книги. В этом их намерения совпадали с моими. Взял аванс, предоставил РТ рулить журналом, как умеет, и на год окопался за письменным столом. Затем отослал в издательство законченный роман.

Редакторы посоветовались и постановили, что я написал полное дерьмо.

Хотя, возможно, тут я все-таки сгустил краски. Агент просто тактично намекнул, что в издательстве, скорее всего, ждали чего-то более похожего на первую книгу. Мой предыдущий роман имел успех. Конечно, не такой, как бестселлеры Стивена Кинга или Джона Гришэма, но для книги неизвестного автора моя продавалась вполне прилично. Поэтому издательство рассчитывало, что я напишу еще что-нибудь в том же роде. Новая же книга разительно отличается

от предыдущей и по стилю, и по содержанию, поэтому издательство беспокоилось, что продать ее будет трудно. Для них я – бренд и поэтому должен занимать четко определенную рыночную нишу. Короче говоря, если хочу, чтобы мои книги и дальше попадали в списки лидеров продаж, самое время подумать над своим поведением. Агент предложил представить, что будет, если Кинг вдруг начнет писать любовные романы, а Гришэм – средневековое фэнтези.

Год ушел на бесплодные переговоры. Сначала издатели категорично заявили, что книгу мою печатать не будут. Потом намекнули, что готовы уступить, если внесу несколько небольших правок. Мне предложенные изменения не понравились. В конце концов решил, что легче написать другую книгу. Но эта рукопись их тоже не устроила.

Тут дела пошли совсем уж плохо. Я готов был вернуть аванс за вторую книгу, но издательство отказалось. Тогда предложил расторгнуть контракт. Поскольку они все равно не собирались печатать мои произведения, такое разрешение ситуации, казалось бы, являлось самым разумным для всех заинтересованных сторон. Но и тут меня ждал отказ. Так я понял, что – увы и ах! – очутился в полной юридической и творческой западне. Согласно условиям, публиковаться где-либо еще запрещалось, а это издательство мои книги печатать категорически не желало.

Так прошел еще год. Дошло до того, что после многочисленных разговоров на повышенных тонах мой агент просто перестал брать трубку. Связался он со мной только несколько месяцев спустя. Встретились в офисе агентства на улице Блур, где он и сообщил, цитирую, «самые приятные новости, которые возможны при сложившихся обстоятельствах».

Издательство готово напечатать вторую рукопись, но при условии, которое обсуждению не подлежит. Я должен внести в текст любые два из двенадцати изначально рекомендованных изменений. К тому моменту мне так опостылела эта бодяга, что согласен был на все, лишь бы отделаться. Обложку сделали некрасивую и не соответствующую сюжету, а потом просто выкинули книгу на рынок, будто в мусорное ведро, даже не попытавшись хоть немножко ее продвинуть.

Несмотря на все это, продавался роман вполне терпимо, но далеко не так хорошо, как первый. Не скрою, был разочарован, хотя к тому времени голова у меня была занята другим. Случилось чудо – началась подготовка к съемкам фильма по моей первой книге! Мне позволили, чтобы проконсультироваться по первому черновому варианту сценария. Предстояло общаться с режиссером и продюсерами, а также выезжать на съемки и участвовать в кастинге.

Режиссера звали Питер Гидеон, и был он всего на четыре года старше меня. За плечами у него был снятый для канала НВО неудачный пилотный выпуск сериала «Дури еще хватает» – о пограничнике, работающем на мексиканский наркокартель. Вторая его работа – малобюджетное независимое кино, которое не рискнули выпускать в кинопрокат и ограничились DVD. Тараторил Гидеон со скоростью тысяча слов в минуту. Зато, судя по тому, что все же удалось разобрать, книгу он прочел, и она ему понравилась. Я рассудил, что это два вполне весомых плюса. Режиссер хотел пройтись со мной по всему сценарию, страница за страницей, чтобы убедиться, что черновой вариант нигде не отходит от «духа» книги. Половину героев романа выкинули, зато добавили двух новых. Концовку изменили, а всю середину переделали практически до неузнаваемости. Поэтому я недоумевал, о каком «духе книги» речь и зачем им вообще нужен, однако возможности поучаствовать в съемках был только рад. Впрочем, готов был на что угодно, лишь бы не разжигать новый конфликт с моим многоуважаемым издательством.

Гидеон познакомил меня с несколькими кандидатами на главные роли. Среди них оказалась претендентка на роль главной героини. Жила она в Торонто, и звали ее Натали Артисс. Еще маленькой участвовала в детских передачах, потом играла небольшие роли в телесериалах и снялась в нескольких фильмах. Ни один из них на экраны, правда, не вышел, но Гидеон был убежден, что нам она подходит идеально.

– «Кинемеханика хаус» ее кандидатуру не одобряет, – по секрету поделился со мной Гидеон, когда мы вместе корпели над сценарием. – Говорят, нужна актриса с большим опытом. Но если ты меня поддержишь, пожалуй, уступят.

«Кинемеханика хаус» – это название киностудии. Руководил ею бывший каскадер, ушедший на покой после того, как лишился левой ступни во время съемок драки на заброшенном складе в фильме с Джейсоном Стэйтемом в главной роли. Видимо, рассудил, что, если перейдет по другую сторону баррикад, то есть камеры, у него будет больше шансов сохранить оставшиеся конечности в целостности и сохранности.

– Не представляю, на что они рассчитывают, – продолжал Гидеон. – Можно подумать, с нашим бюджетом можно пригласить на роль Дженнифер Лоуренс. У нас даже на гомеопата Дженнифер Лоуренс денег нет!

– Хорошо еще, что не надо ничего взрывать, – попытался утешить его я.

– Смеешься? В наше время, чтобы что-нибудь взорвать, нужно, чтобы в фильме присутствовала скрытая реклама как минимум десяти китайских компаний. Думаешь, как сняли последних двух «Трансформеров»? Теперь все фильмы рассчитаны на тринадцатилетних мальчишек из Пекина. Куда катится кинематограф?..

Я спросил, что конкретно должен сделать, чтобы повысить шансы мисс Артисс на получение роли.

– Просто встретиться с ней, и все, – ответил Гидеон. – Расскажи про героиню, дай пару советов. Потом скажи продюсерам, что ты от нее в восторге. Тебя-то они послушают.

Я встретился с Натали Артисс.

Через два месяца мы начали жить вместе. Вопрос о том, кто к кому переедет, однозначно решился в мою пользу. Натали нелегально снимала комнату в маленьком коттедже в Кэббедж-тауне. Соседками ее были четыре студентки, а в подвале работала передвижная парикмахерская для собак. Компания, владевшая домом, принадлежала миниатюрной блондинке родом из какой-то небольшой страны в Восточной Европе. За неделю до того, как мы с Натали начали поговаривать о том, чтобы жить вместе, владелицу компании арестовали. Оказалось, на заброшенных стройках компания выращивала целые плантации марихуаны. Бизнес-леди рассудила, что такими темпами полиция скоро прознает и о других темных делишках компании, поэтому поспешила выселить всех жильцов. Натали была только рада сбежать.

Первые три месяца жили в нашей с РТ квартире. Но в это время мой друг переживал самую болезненную стадию разрыва с «ООН», что делало его отнюдь не самым приятным соседом. Впрочем, возможно, вам нравятся соседи по квартире, которые всю ночь напролет в обнаженном виде слушают тяжелый рок, литрами поглощая энергетические напитки и строча для своего блога длинные гневные посты, озаглавленные «Десять лучших способов прикончить незаслуженно популярного гитариста». Больше всего мне понравился четвертый пункт: «Извлечь сухожилия, высушить, настроить, как низкую струну Е, и задушить ими этого гада». Остальные способы не могу привести из эстетических соображений.

Ничего, чтобы наставить РТ на путь истинный, я сделать не мог, поэтому поступил как трус и съехал. Нашел небольшую квартирку в районе, известном своими многочисленными клубами и ресторанами. Спальня плюс кухня-гостиная. Конечно, дух тут витал совсем не тот, что на старом месте, но, учитывая, что в моем случае речь шла о духе давно забросившего мытье РТ, я решил, что как-нибудь вытерплю этот минус нашего нового жилья. Мы с РТ жили вместе с тех пор, как перебрались в большой город, и теперь я рассудил, что нам обоим пора идти своим путем. Во всяком случае, когда дело касается жилплощади.

Натали новая квартира очень понравилась. Она только что получила постоянную роль в сериале на СТВ – играла начинающую юристку. Название у сериала было вполне подходящее – «Эстоппель». Съемки проходили в районе спиртзавода, и Натали радовалась, что теперь почти

не придется тратить время на дорогу. Роль была небольшая, но мы рассудили: надо же Натали чем-то заниматься, пока не начнут снимать нашу экранизацию.

А это должно было произойти со дня на день – во всяком случае, такое впечатление у нас сложилось. Сценарий утвердили, кастинг практически завершился, места для съемок были выбраны... Казалось бы, съемочная группа должна была взяться за дело, как и было запланировано, осенью. И наверное, взялась бы, но одна из европейских компаний, вкладывавших деньги в проект, в последний момент вдруг пошла на попятный.

Сюрприз от инвесторов никого не порадовал. Большое количество народу, считавшее, что подыскало себе работу до конца года, и уже рассчитывавшее на соответствующее денежное вознаграждение, теперь останется ни с чем. Ни трудоустройства, ни денег.

Как ни странно, Питер воспринял новость об утрате источника финансирования с олимпийским спокойствием.

– Не дергайтесь, – говорил он. – В нашем деле такое случается постоянно. Продинамили эти инвесторы, найдем других. Вот увидите, скоро желающие в очередь выстраиваться начнут. Так что будьте спокойны – денежки привалят.

Через три дня после этой ободряющей речи Гидеон улетел в Лос-Анджелес снимать пилотный выпуск сериала для канала АМС. В нашем проекте он теперь официально не участвовал. И не он один – Натали уехала вместе с Гидеоном.

Вернувшись домой после особенно неприятной встречи с представителями издательства, обнаружил, что квартира пуста, а на гранитной столешнице в крошечной кухне лежит коротенькая записка. Казалось бы, как писатель я давно должен был привыкнуть к письмам с отказами. Но увы – каждый раз удар ниже пояса. Через некоторое время начинаешь надеяться, что они хотя бы рассмотрели твою кандидатуру и изучили то, что ты можешь предложить, а не сразу списали тебя со счетов как бесперспективного. Верный признак, что твой труд прочли, – приписка от руки на полях. Предлагают прислать в издательство еще что-нибудь через месяц-два. Так у тебя появляется робкая надежда, что причина отказа не в твоём писательском таланте – вернее, его отсутствии.

Должно быть, просто время неудачное. Или тема не соответствует профилю издательства. Или... Или... В общем, любые свидетельства того, что, решив писать книги, ты не тратишь время понапрасну.

Другая разновидность писем с отказами – холодные, сдержанные, чисто формальные тексты. Эти чаще всего печатают на ксероксе тоннами, а потом просто рассылают копии. Обычно такие послания не длиннее объявлений – «Выгул собак», «Детский сад на дому» и тому подобное. Везде отказывают в разных выражениях, но общий смысл всегда одинаковый. Письма не глядя распахивает по конвертам какой-нибудь несчастный стажер, зарплата которому пока что не полагается. В больших организациях таких офисных рабов может трудиться до нескольких сотен человек.

Обычно формальные отказы по всем правилам выглядят примерно так:

«Спасибо. Но нет, спасибо.

Ваша кандидатура нас не интересует. Не могли бы Вы пойти куда подальше и больше не досаждать нам своими жалкими потугами?

Искренне Ваши,

Те, с кем Вам ничего не светит».

Но они хотя бы что-то отвечают. Остальные процентов восемьдесят не снисходят даже до этого.

Я вскрыл конверт и принялся читать. Это отказное письмо относилось ко второй разновидности. Натали писала, что мы слишком поторопились, начав жить вместе (это была ее идея). Ей предложили работу в Лос-Анджелесе, и она никак не могла отказаться. Возможно,

нам даже лучше будет несколько месяцев отдохнуть друг от друга и подумать о наших отношениях. В конце Натали выражала надежду, что мы в любом случае сможем остаться друзьями.

Перечитал записку трижды. Убедившись, что все правильно понял еще с первого раза, со всей дури саданул кулаком по стене кухни и сломал средний палец на правой руке.

Почему я отнес записку Натали ко второй категории, а не к первой? Очень просто – правды в ней было ни на грош. Главной причиной неожиданного бегства Натали являлось совсем не то, о чем она писала. Позже узнал из других источников, что они с Питером Гидеоном раньше встречались. Теперь стало понятно, почему он так настаивал на ее кандидатуре. И не прогадал – недавно между ними снова завязался роман. Посчастливилось Гидеону и в карьерном отношении: случайно узнал, что режиссер, который должен был снимать пилотный выпуск в Лос-Анджелесе, перед самыми съемками отказался от проекта по причине... да-да, угадали, творческих разногласий. Гидеон воспользовался тем, что новый режиссер требовался срочно, и предложил свои услуги. Вдобавок сумел пристроить свою кинозвезду на маленькую рольку второго плана.

Я решил повести себя как взрослый, зрелый человек и рассудил: если снова придется иметь дело с Питером Гидеоном, наши «творческие разногласия» продуктивной работе не помешают. Помешать ей могут другие обстоятельства. Например, если Гидеона до смерти забьют крикетной битой, утыканной ржавыми гвоздями, потом сбросят с высоты восьмого этажа в яму с огнем, а пепел растопчет носорог, страдающий синдромом раздраженного кишечника.

Пришлось ехать в больницу накладывать гипс, в результате чего писать не мог даже при всем желании. Хотя издательство уже давно грозно дышало мне в спину, требуя обещанных правок. Впрочем, в таком настроении ничего достойного я бы все равно не настроил. Что хорошего может написать исполненный горечи, озлобленный человек, сердце которого разбито на мельчайшие осколки и не подлежит восстановлению? Так у нас с РТ снова появилось много общего. Даже начал подумывать о том, чтобы опять перебраться в старую квартиру над редакцией. Но увы – преждевременно съехать не получалось: в случае нарушения условий аренды пришлось бы выплатить целое состояние.

Только злобная паранойя недооцененного музыканта РТ помогла мне не опуститься на самое дно после измены Натали. Конечно, неприятно это признавать, но, когда у тебя проблемы, нет лучше способа поднять настроение, чем пообщаться с тем, у кого дела обстоят еще хреновее. Да, моя девушка (отныне известная просто как «эта») сбежала к какому-то несчастному режиссеришке, но зато я не сижу целыми днями в грязной, захлавленной спальне в шляпе из фольги и не сочиняю пятиактную оперу под названием «Развратник Шеймас и шлюхи Торонто. История побед и злоключений». Как сказал бы рок-музыкант Моррисси, никто не любит, когда друзья добиваются успеха. Но когда они кипят от бессильной злобы и зависти – вот тут мы действительно взбадриваемся.

Некоторое время после разрыва с Натали старался держаться от девушек подальше. Пару раз встречался со случайными знакомыми, но интрижки эти длились от пары недель до пары месяцев – дальше дело не шло. Мой недуг Тео в шутку называл посттравматическим синдромом – как у солдат после войны, только с девушками. Самые безобидные случаи или вопросы, которые задавали мои новые знакомые («Какая у тебя красивая кухня! Ты что же, и почту здесь держишь?») или «Смотрел новый сериал на АМС? «Вендиго»? Ох и страшный!», заставляли меня тупо застыть с бессмысленным выражением лица, пока в голове проносились воспоминания о тех испытаниях, которые мне пришлось пережить на любовном фронте. Поэтому на любовном фронте решил взять тайм-аут, пока не перестану пригибаться от грохота взрывов, который, кроме меня, никто не слышит.

Зато другим членам киноклуба на этом поле битвы посчастливилось больше. Тео и Дориан поженились. Через два года у них родилась девочка, еще через три – мальчик. Тео по-

прежнему трудится актуарием в той же страховой компании, хотя за это время его успели пару раз повысить, и теперь наш друг дослужился до заместителя начальника отдела. Или что-то вроде того. Откровенно говоря, не считая собраний киноклуба, видимся мы с ним редко. Во-первых, Тео, в отличие от нас, оболтусов, человек семейный, а во-вторых, он состоит в клубе любителей спортивного бега, двух разных командах по игре в алтимат-фрисби и любительской футбольной сборной, а еще каждую неделю берет уроки игры на гитаре. В прошлом году поучаствовал в забеге «Из грязи в князи». Это те же гонки на выносливость для многоборцев, только с колючей проволокой, грязевыми болотами и многочисленными способами унижения участников. Потом Тео восторженно заявил, что в первый раз поймал столько кайфа. После чего с гордостью показал фотографию, на которой он, голый по пояс, бежит по рву, наполненному коричневой жижей, а парни, стоящие по обе стороны, лупят его горящими палками. Что из этого доставило Тео удовольствие, спрашивать не решился.

А у Костаса все шло по-старому. Притворяться, будто получает высшее образование, давно бросил, и теперь работает в компании своего отца. Правда, в качестве кого он там состоит и в чем конкретно заключаются его обязанности, для всех загадка. Насколько можем судить, единственная задача Костаса – развлекать самых выгодных отцовских клиентов, когда те прилетают в Торонто узнать, как поживают их финансы. В общем, работа легкая. Костас с этим делом во сне справится – и, по собственному признанию, неоднократно справлялся. Он по-прежнему живет с родителями, но семейная резиденция настолько велика, что иногда Ксенопулосы не видят друг друга неделями. Отец в последнее время начал поговаривать о том, чтобы уйти на покой и передать семейный бизнес детям – то есть Костасу и его брату Порфирию. Я его встречал всего пару раз, но успел заметить, что Порфирию терпеть не может знакомиться с новыми людьми и находиться в центре внимания – то есть является полной противоположностью Костаса. Предпочитает оставаться в тени и работать с цифрами. Поэтому Костас уверен, что никаких конфликтов из-за передела сфер влияния у них с братом не предвидится. Порфирию будет пахать, Костас – развлекаться, и в целом все пойдет по-старому. Старика Костасу останется только плыть по течению денежной реки, купаясь в долларах.

Моя сестра и достопочтенный режиссер Дэвид С. Окслейд официально вступили в брак два года назад. За это время она добилась больших карьерных успехов и теперь служит шеф-поваром в маленькой, но очень популярной итальянской закусочной в Йорквилле, где пропадает на работе почти каждый вечер. Завершив образование, Дэвид сменил несколько мест работы, и все были его недостойны. Все это время старина Дэйв усердно старается выбить финансирование, чтобы начать съемки малобюджетного фильма ужасов по своему сценарию. Насколько могу судить, план по добыче денег состоит в следующем: целыми днями лежать дома на диване и в свое удовольствие бороздить Интернет, пока жена вкалывает за двоих, зарабатывая на пропитание. Как-то Дэвид записался в волонтеры, чтобы поучаствовать в Международном кинофестивале в Торонто, но был уволен: критиковал фильм Атома Эгояна, находясь в пределах слышимости режиссера. Некоторое время Дэвид трудился ассистентом в Гамильтоне, на съемочной площадке фильма студии «Марвел». Но увы – перепутал кофе для Железного человека с кофе для Тора, за что и был незамедлительно выгнан.

Стараясь дать выход творческому потенциалу, Дэвид обзавелся собственным каналом на YouTube, который теперь усиленно продвигает. Но ни одно из видео, в которых он ищет свой стиль, популярностью не пользуется. Сначала монтировал собственные трейлеры к классическим фильмам, но потом на него едва не подали в суд за незаконное использование объектов авторского права. Пришлось Дэvidу ограничиться трейлерами к собственным фильмам, которые – пока еще – не сняты. Первый, для фильма ужасов, снимали в резиденции Костаса. Я вызвался исполнять обязанности всего постановочного цеха в одном лице, а Костас играл страшное существо, которое, громко шаркая, бродило по дому и кидалось на всех встречных. Всего ролик длился тридцать секунд, но съемки продолжались двенадцать с половиной часов.

Значительная часть этого времени ушла на возню Дэвида с занавесками в хозяйской спальне – добивался нужного соотношения света и тени на паркете. Фильм, то есть трейлер, назывался «Один процент населения». Кажется, Дэвид вкладывал в свое произведение социально-политический смысл (богатство зомбирует), но по трейлеру этого не понять. Зато в процессе работы приобрели бесценный опыт – например, узнали, что от полов из каррарского мрамора гораздо труднее отмыть искусственную кровь, чем мы предполагали. В результате больше нам особняк Ксенопулосов в качестве съемочной площадки использовать не разрешили.

Все это было летом. Сейчас январь. Осенью киноклубу исполнится десять лет. Примерно в это же время мне стукнет тридцать. Поговаривали о том, чтобы отметить юбилей нашего общества как следует, в торжественной обстановке. Даже обсуждали, не махнуть ли в Лас-Вегас, но выбрать даты поездки, которые устроили бы всех пятерых отцов-основателей, так и не смогли. Вообще-то у меня на этот год были собственные планы. К юбилею – и моему, и клуба – они отношения не имели, но почему бы не сейчас? Впрочем, решусь или нет, не знаю. Вопрос пока остается открытым.

«Крик Вильгельма» последние года два приносит одни убытки, и я уже не могу себе позволить подкидывать собственные деньги в эту прожорливую топку. Давно бы уже махнул на проект рукой, если бы не РТ. Больше другу податься некуда. К тому же, если больше не будет музыкальной рубрики, в которой РТ злобствует и выпускает пар, сколько душа пожелает, его непременно арестуют, причем в самое ближайшее время. Для него это не просто работа, а способ самовыражаться. А если закрыть «Крик Вильгельма», РТ вовсе слетит с катушек и будет буйствовать еще больше, чем после злосчастной истории с группой «ООН».

Поначалу надеялся, что эту тенденцию на понижение удастся преодолеть, но наши совместные усилия результата не принесли. Пробовали менять дизайн сайта и даже проводили аналитические исследования – проверяли, какие рубрики и статьи вызывают больше интереса. Но все это, увы, не помогло.

Причем проблема не только в деньгах. Идея «Крика Вильгельма» пришла к нам давно, еще в студенческие годы. Тогда был от нее в восторге, но с тех пор она успела мне изрядно опостылеть. Не желаю больше писать рецензии на фильмы. На прошлой неделе РТ жаловался, что пришлось повторно выложить на сайт одну из моих старых статей, потому что я не сдавал новый материал уже три недели. Но, учитывая плачевное состояние наших дел, тратить время и силы на рецензии, которые все равно никто не прочтет, – все равно что грузить товар на тонущий корабль. Или привязывать еще один камень на собственную шею. Из-за плачевного состояния нашего журнала так приуныл, что даже в кино ходить стало неохота.

Пробовал обсуждать дела наши скорбные с РТ. Однако тот лишь отмахивается от моих деликатных намеков и уверяет, что его очередная блестящая идея принесет журналу успех и популярность. Увы, пока этого не произошло. «Крик Вильгельма» катится под откос, и, учитывая, сколь стремительно он это делает, скоро окажемся на самом дне. Поскольку других источников дохода у РТ нет, он вечно сидит без гроша и одалживает деньги у знакомых. У одного стрельнет пять баксов на метро, у другого десять баксов на продукты – и так далее. Знакомым РТ такая манера не по душе. РТ даже заработал в узких кругах прозвище «Доярка». Многие теперь наотрез отказываются ходить с ним в рестораны и пабы, потому что прекрасно знают, чем закончится вечер, – РТ попросит заплатить за свой заказ, клятвенно обещая вернуть деньги, но так этого и не сделает. Хорошо, что хотя бы Костас не следит, сколько народу ему должно. Иначе пришлось бы РТ торговать собственными органами.

Конечно, с момента открытия киноклуба многое изменилось. С тех пор к нам присоединились еще несколько киноманов, но о них расскажу потом, по ходу дела. В хорошем рассказе, как и в хорошем фильме, не должно быть лишних отступлений – всему свое время.

Глава 3

Одно из преимуществ жизни в большом городе – наступление зимы здесь почти незаметно. Если у тебя нет машины и дворником ты не работаешь, можно просто не обращать на нее внимания и сделать вид, будто понятия не имеешь, что это такое. Не желая без лишней надобности бегать по холоду, все, что тебе нужно, можно совершенно спокойно заказать на дом. А если постоянное общение с людьми не входит в круг твоих обязанностей или потребностей, можешь и вовсе сидеть у себя в квартире до самой весны, будто медведь в берлоге.

Однако нынешняя зима – совсем другой случай. За последние три недели снега навалило столько, что тротуары оказались погребены под глубокими слоями, которые не в состоянии одолеть даже снегоуборщики – а уж простые пешеходы с автомобилистами и подавно. Остается дать горожанам один совет: если цель вашей поездки находится больше чем в двух шагах от станции метро, хорошенько подумайте, так ли уж срочно вам туда нужно.

От моего дома до редакции «Крика Вильгельма» двадцать минут ходу. На протяжении трех остальных сезонов это приятная прогулка, но сегодня, когда сворачиваю вправо и выхожу на Дундас, лицо онемело, а пальцев ног и вовсе не чувствую. А ведь оттуда нужно еще пройти полквартила к северу. Именно там находится немного обшарпанное здание из красного кирпича, которое я раньше называл домом. Эта часть города прежде считалась неблагополучной, но потом у рынка недвижимости Торонто случилось очередное раздвоение личности, как у серийного убийцы Нормана Бейтса из фильма «Психо». В результате дома начали расхватывать, как горячие пирожки, еще до того, как их успевали выставить на продажу, причем предлагали за них в среднем на полмиллиона больше, чем просили продавцы.

Сегодня мне предстоят два важных дела, и оба неприятные. Я не из тех, кто торжественно заявляет, что с Нового года начинает новую жизнь, однако принял твердое решение: сегодня наконец скажу РТ, что «Крик Вильгельма» закрывается. Мы не зарабатываем деньги, а теряем, и доходы у меня уже не те, чтобы и дальше поддерживать журнал на плаву. А потом поеду на север, в издательство, где мне наверняка объявят, что книга, которую я сдал в прошлом месяце, их не устраивает. Затем отправлюсь в любимый паб на Бэтхерст-авеню и нажрюсь как свинья, хотя еще не будет и трех часов дня. Впрочем, для этой цели сгодится любое питейное заведение – лишь бы находилось поблизости. В такой морозище сразу перестаешь быть разборчивым.

Открываю дверь и вхожу в холл. Здание у нас старинное, построено около ста лет назад, и с тех пор, похоже, ни разу не ремонтировалось. Обставлен офис просто и незатейливо. В нашем с РТ кабинете стоят только два стола с компьютерами. Кухню в последний раз переоборудовали примерно в тот год, когда Нил Армстронг ступил на Луну. И краска, и трубы у нас свинцовые, а электропроводку выполняла та же компания, которая занималась заборами в концлагере Берген-Бельзен. Владельца же все устраивало.

Несколько лет назад он хотел продать помещение нам. Мы рассматривали идею настолько серьезно, что даже пригласили инспектора, чтобы оценил, насколько наш офис и остальные располагающиеся в здании помещения требуют ремонта. До сих пор помню, как спускались также во входивший в наши будущие владения подвал. Дюжий мужчина, которого мы наняли, летом трудился подрядчиком, а в несезон подрабатывал инспектором.

– Что это с трубами? – спросил я, показывая пальцем. – Будто бумажными полотенцами обернуты.

– Должно быть, асбест, – вынес вердикт инспектор, посветив фонариком в указанном направлении. – Не обращайтесь внимания. Если не трогать, все нормально будет.

– А если трогать?..

– Не советую.

– Почему вот эти трубы другого цвета?

Инспектор приблизился к ним с фонариком и принялся внимательно разглядывать. Раньше я даже не подозревал, что в нашем подвале можно совершенно свободно снимать фильмы ужасов – ни разу там не был. И больше не пойду.

– Так они ж свинцовые. Надо менять. Такие уже давно не ставят, это для здоровья вредно.

– А если мы пьем водопроводную воду? Причем довольно давно?

– Может, это отводящие трубы. Тогда не бойтесь, не отравитесь.

– А вдруг, наоборот, подающие?..

Инспектор усмехнулся.

– Дети с задержками развития есть?

– Нет. Пока вообще никаких нет – ни с задержками, ни без.

– Соберетесь заводить, сходите к врачу. Проверьтесь на всякий случай. Свинец мужскому хозяйству вредит. И мозгу. И еще чему-то. Забыл.

Не знал, шутит этот тип или нет. В школе у меня труда не было. Понадобится установить унитаз или подключить проводку – не буду знать, с какого конца братья за работу. Поэтому с электриками, сантехниками и прочими работниками жилищного хозяйства дружба и взаимопонимание у меня не складывается.

– У вас тут какой-то вентиль... и проходит какая-то труба... – сообщил инспектор, посветив на пол, где змеились затянутые паутиной провода, которые, казалось, лежали там просто так.

– Это плохо?

– Смотря по ситуации.

– В смысле?

– Если дом спалить хотите, тогда хорошо, – заржал инспектор.

Тут я заметил темное пятно на стене, где тонкими чешуйками отслаивалась штукатурка.

– Это, наверное, тоже плохо?

Инспектор подошел ближе, отковырнул пару больших кусков штукатурки от стены и потер между пальцами.

– У вас тут, похоже, черная плесень.

– А что, черная хуже, чем обыкновенная?

– Плесень – это еще цветочки. В фундаменте, кажись, трещина. Вот, смотрите. Видите, замазана?

– Значит, замазывать не надо было?..

Инспектор задумчиво помолчал.

– По-хорошему, тут стену ломать надо. С другой стороны что?

– Э-э... Кажется, улица.

– Тогда вам это удовольствие дорого обойдется. Ох и дорого.

Мы с РТ посоветовались и от покупки решили воздержаться. Когда человек, по роду занятий требующий с меня денег, говорит, что его услуги обойдутся дорого, в уме умножаю названную цифру на четыре, и ни разу не ошибся. Для этого подрядчика-инспектора оперировать суммами, на которые можно с нуля раскрутить в маленькой африканской стране космическую программу, – похоже, обычное дело. То, что вскоре после этого я начал подумывать о том, чтобы съехать, – не просто совпадение. Возможно, причину, по которой РТ слетел с катушек, следует искать не только в том, что его выгнали из группы. Видимо, свой вклад внесло содержание свинца в воде и неправильно смешанная карбамидоформальдегидная смола на наших стенах. В любом случае я не желал, чтобы меня постигла та же судьба, и поспешил снять другую квартиру.

Потопаив ногами об пол, стряхиваю снег с ботинок. Собираюсь повесить куртку в стоящий в коридоре шкаф, но в нем по-прежнему воняет так, будто там сдох енот, а потом ожил и превратился в зомби. Решаю остаться в куртке. В любом случае отопление у нас эксцентричное. В

одних помещениях от жары отклеиваются обои, а в других, если нужен лед, достаточно просто оставить стакан воды минут на пять.

Закрываю дверцу вонючего шкафа, и вдруг из кабинета доносится женский голос:

– Хочешь покажу 3D-макет моей вагины?

Тут бы любой обратился в соляной столп, и я не исключение.

– Вернее, вагина не моя, а одной японской порнозвезды. Девушка наладила бизнес – продает эти макеты фанатам по двадцать баксов штука. Но вообще-то крутая штука. В смысле, для вагины.

Что за ерунда? Заворачиваю за угол и вхожу в редакцию, где моему взгляду предстает сидящая за столом девушка студенческого возраста. Темные волосы заплетены в афрокосички, на каждой – бантики в горошек, одни красные, другие синие. По всей длине левой брови тянется ряд металлических заклепок, а над левой ключицей татуировка, на которой изображен мужчина, похожий на президента Ричарда Никсона. Одета незнакомка в зеленое платье в стиле милитари. Довершают наряд полосатые гетры всех цветов радуги, которые эта особа зачем-то натянула на руки. Заметив меня, в качестве приветствия вздыхает:

– У-ух...

– Вы кто? – решив не ходить вокруг да около, интересуюсь я.

– Шевонн, – представляется девушка. – Мой парень фундаменталист.

– Ты это к чему?..

– Не бойся, не радикальный. Взрывать ничего не собирается. Пока. Но, кажется, уже начал об этом подумывать.

– Понятно.

Хотя понятно мне только одно: должно быть, РТ нанял новую стажерку, таким образом нарушив мой строжайший запрет ни в коем случае этого не делать. Не оставалось никаких сомнений, что на работу эту девицу взял именно РТ. Во-первых, кроме меня, он единственный человек в редакции «Крика Вильгельма», который может кого-то нанять, а во-вторых, Шевонн как раз в его вкусе – женского пола и с прибабахом. Хотя, учитывая последнее обстоятельство... может быть, просто с улицы зашла?

– Я вообще-то не с тобой говорила, но все-таки... Будешь смотреть вагину или нет?

– Показывай.

Как я мог отказаться?

Обхожу стол и гляжу на экран компьютера поверх ее плеча.

– Ну как? – спрашивает Шевонн, увеличив картинку, чтобы мне легче было составить собственное мнение.

– Похоже на чудовищ вроде тех, которых рисовал Ганс Рудольф Гигер, – после некоторых раздумий вынес я вердикт.

– Ты, значит, женоненавистник? – сделала вывод Шевонн. – Для тебя что чудовище, что вагина – одно и то же? Боишься, член тебе откусит?

– Вообще-то я просто искал РТ.

– Понятно. Он вроде говорил, что уходит, но когда вернется, не сказал. Вот уж не представляю, что люди делают с этой штукой, когда распечатают на 3D-принтере. К кукле из секс-шопа прицепляют или как? 3D-принтеры вообще на резине печатают? Может, на латексе?

– Честное слово, понятия не имею.

– Вот мой парень расписхуется, если ему покажу. Ему ведь, наверное, религия запрещает смотреть на искусственные вагины.

– Фундаменталисты – это ведь консерваторы? Что ж, в восьмом веке про 3D-принтеры и не слыхивали.

– Вообще-то мы с ним не встречаемся. Ну, с этим парнем. Просто увидела его сегодня утром в автобусе и представила, будто у нас роман. Какие у нас будут отношения, и все такое. Он, наверное, даже не фундаменталист.

Прерывает нас скрип входной двери, которая сначала открылась, потом закрылась снова. За этим следует гулкий звук шагов на протертой ковровой дорожке и громкая ругань РТ. Через секунду он вваливается в редакцию и ставит перед Шевонн бумажный стакан с кофе.

– Здорово, друг! – радуется РТ, отпивая глоток из собственного стакана. – Не знал, что ты сегодня придешь!

Шевонн склоняется над стаканом, приподнимает крышку и с сомнением нюхает содержимое.

– На плантации, откуда привезли зерна для этого кофе, точно хорошие условия труда? Только представлю, как бедняга Хуан Вальдес и его маленький ослик пашут в поте лица без больничных и бесплатной медицинской помощи, – сердце кровью обливается! Кстати, кто-нибудь знает, чем болеют ослики?

– Не волнуйся, условия у них хорошие, – отвечает РТ. – В кафе около кассы можно взять брошюрку с фотографиями.

Многозначительно улыбаюсь. Редактор, бегающий за кофе для стажерки, – это что-то новенькое. Обычно бывает наоборот. РТ замечает выражение моего лица, но делает вид, будто намеков не понимает.

– Вижу, вы уже познакомились, – произносит он. – Шевонн учится в Уэст-Хилл на журналистку. К нам устроилась на прошлой неделе.

– Пока ты не пришел, мы... э-э... успели немного поболтать, – отвечаю я.

– Я ему показывала свою вагину.

РТ чуть кофе не выплюнул.

– Что?..

– Вообще-то, строго говоря, вагина чужая, но моя, наверное, выглядит примерно так же. А он сказал, что она на чудовище похожа!

– В свою защиту могу сказать, – оправдываюсь я, – что это одна из тех ситуаций, когда все зависит от контекста. РТ, можно тебя на минутку?

РТ кивает на свой рабочий стол, но я качаю головой и указываю на дверь, ведущую в заднюю комнату. Раньше у каждого из нас был свой кабинет, но, когда переехал на новую квартиру, просто забрал ноутбук с собой. В моем случае ходить на работу каждый день не было смысла, поэтому из моего кабинета сделали кладовку. В основном там хранятся коробки со старой коллекцией пластинок РТ, рекламные листовки, сообщающие о концертах и выходе новых альбомов, и прочий мусор. Тот факт, что важный разговор будет вестись не в присутствии Шевонн, а здесь, сразу безошибочно подсказывает РТ, о чем пойдет речь.

– Да, – с пафосом произносит он, едва успеваю закрыть дверь. – Знаю, что ты сейчас скажешь. Но...

– Мы ведь договаривались: больше никаких стажерок! – возмущаюсь я. – Где ты, черт возьми, откопал эту девицу?

– Я уже говорил! – в свою очередь возмущается РТ и садится на коробку со старыми CD. Раньше музыкальные группы постоянно слали их нам по почте в надежде на хорошую рецензию или упоминание в еженедельной колонке РТ. – Учится в Уэст-Хилл. Ну да, признаю: у Шевонн легкая степень расстройства контроля над импульсами. Проще выражаясь, брякает все, что на ум взбредет. Ничего страшного, привыкнешь – перестанешь замечать.

– Проблема не в этом, – возражаю я. – Хотя должен признаться, впечатление твоя новая любовница с непривычки производит сногшибательное.

– К твоему сведению, я с ней не сплю. Хотя Шевонн постоянно отпускает намеки на эту тему. Правда, с ней трудно судить наверняка... Но я все ее поползновения игнорирую.

– РТ, проблема не в характере этой девицы и не в ее личной жизни, – продолжаю я, – а в том, что она теперь работает у нас! Забыл про наши финансовые трудности?

– Именно поэтому я ее и нанял! – оживляется РТ. – Шевонн нам поможет! В праздники изучал результаты аналитических исследований, и тут будто молния в башку ударила! Эврика! Сразу понял, как спасти журнал!

Едва сдерживаю стон. Осенило РТ уже далеко не в первый раз – гениальные озарения для него обычное дело. Но увы. Вместо того чтобы помочь журналу подняться, гениальные идеи РТ только ускоряют наше падение.

– Что нам нужно, так это привлечь женскую аудиторию! – восклицает приятель. – Вот тебе и решение всех проблем! Среди читателей «Крика Вильгельма» женщин почти нет. Представляешь, как сразу вырастет посещаемость сайта?

Удрученно тру ладонями лицо. Из-за предстоящего неприятного разговора выпался плохо, а головная боль отнюдь не способствует оптимизму.

– И каким же образом двадцатилетняя девчонка с синдромом Туретта поможет нам подняться на вершины богатства и славы?

– Шевонн ведет блог, – ответил РТ. – Читателей у нее, правда, пока не очень много, но для «Крика Вильгельма» ее стиль – как раз то, что доктор прописал. Тебе тоже надо почитать. А лучше сразу покажи своим издателям. С руками оторвут! Пусть напечатают сборник, или альманах, или... в общем, книгу.

– И о чем же она пишет?

– Обо всем подряд. Повседневные мелочи, наблюдения... – отвечает РТ. – Первый пост разместил на нашем сайте еще на прошлой неделе, но ты, наверное, не заметил. Еще бы, ты ведь у нас человек занятой, весь в делах...

РТ отпивает большой глоток кофе и краем глаза зыркает на меня, проверяя, попал ли в цель его выпад, хитро замаскированный под проявление сочувствия, или для меня такие изящные словесные шпильки слишком тонки. Что правда, то правда: за последние несколько лет «Криком Вильгельма» почти не занимался и спихнул львиную долю работы на РТ. Это дает ему право выставить себя мучеником труда, а меня – кем-то вроде вечно отсутствующего начальника, который время от времени под настроение заглядывает в офис и сразу принимается наводить свои порядки. Раньше я ему даже иногда подыгрывал, но сейчас, по мере того, как нить, связывающая нас, становится все тоньше, пришло время взять дело в свои руки и решительно ее перерезать.

Собственно, за этим я и пришел.

– Послушай, РТ, от «Крика» один убыток. Не могу же я дальше выбрасывать деньги непонятно на что. Журнал придется закрыть.

– Три месяца! – восклицает РТ, порывисто вскакивая на ноги. – Дай всего три месяца! Если за девяносто дней посещаемость хоть чуть-чуть возрастет...

– Предположим, возрасти она должна очень серьезно, а отнюдь не «чуть-чуть»...

– Ладно, ладно, – уступает РТ. – Если дела пойдут немного лучше...

– А под «немного лучше» ты имел в виду, что журнал начнет приносить прибыль...

– Прибыль? Ну, не знаю. Тут тремя месяцами не обойдешься. – Но потом РТ замечает выражение моего лица и сразу понимает, что на дальнейшие уступки рассчитывать не придется. – Хорошо! Будет тебе прибыль. Через три месяца «Крик Вильгельма» будет приносить доход – или хотя бы перестанет работать в убыток.

Качаю головой и тяжело вздыхаю. Каждый раз одно и то же. Ну почему в редакцию я прихожу с твердым намерением прикрыть эту лавочку, а потом безо всяких уважительных причин иду на попятный?

– Извини, РТ, но знаешь, где у меня уже сидит твой «Крик Вильгельма»? – объявляю я. – Даже если через три месяца журнал и правда станет успешным, я в этом деле больше не участвую.

– Неужели вот так возьмешь и уйдешь? – переспрашивает шокированный РТ. – Но почему?

– Просто в последнее время потянуло на что-то новенькое.

– В смысле? Ты что, уехать хочешь? Или на новую работу устроиться? Зачем? Нет, серьезно – на кой черт тебе менять работу? Круче, чем эта, все равно не найдешь!

Окидываю взглядом сырую, убогую кладовку. Отопление здесь из соображений экономии отключено – ничего, что нужно держать в тепле, мы в этой комнате не храним. Окна грязные, жалюзи сломаны. Старая краска облупилась так, что на стенах живого места не осталось. От решения о сносе наше здание отделяет буквально полнарушения. Совместный бизнес столько раз находился на последнем издыхании, что давно уже может считаться живым трупом. Короче говоря, считать журнал «Крик Вильгельма» крутым может только человек, которому больше некуда податься. Увы – у одного из наших редакторов как раз такой случай.

– Идешь сегодня на показ к Ленни? – спрашивает РТ, чтобы сменить тему.

Ленни Фонг – один из новых членов нашего киноклуба. Мечтает стать стендап-комиком. Два года назад РТ слушал его выступление на вечере свободного микрофона. Весь монолог Ленни посвятил лицемерию рок-звезд-мультимиллионеров, строящих из себя независимых бунтарей. Шутки большинство собравшихся не развеселили, зато РТ привели в полный восторг. Мой друг сразу объявил, что отныне он – поклонник Ленни на всю жизнь. Чтобы иметь возможность идти к своей мечте, Ленни вкалывает сразу на нескольких работах. Сейчас трудится баристой в сетевой кофейне, располагающейся в торговом центре «Торонто Итон Сентр», и официантом в мясном ресторане, а еще дежурит в ночную смену на круглосуточной автозаправке. На последнем из перечисленных рабочих мест Ленни восемь раз становился жертвой ограбления (из них три раза – вооруженного). Ленни говорит, что использует этот опыт в качестве материала для своих монологов. Живет он в темной двухкомнатной конуре, которая находится в подвале в Аннексе. Вторую комнату занимает студент университета. Единственное, что в этой конуре хорошего, – от нее до метро пять минут ходу.

Ленни страдает своеобразной формой раздвоения личности, которая проявляется только на сцене. Стоит Ленни очутиться у микрофона, как из приятного парня он сразу превращается в злобного, агрессивного типа, что во время выступлений оказывается очень к месту: Ленни работает в жанре комедии оскорблений. Нередко у служебного входа его потом подкарауливают благодарные зрители, желающие сломать комику нос.

Обычно, принимая у себя собрания киноклуба, Ленни заказывает пиццу из ресторанчика за углом и демонстрирует что-нибудь с Клинтом Иствудом. Уже посмотрели «Перевал разбитых сердец» (единственный известный мне фильм, где кульминацией является вторжение на Гренаду) и «Непрощенного». Последнюю картину Ленни особенно любил и выучил практически наизусть. Сам того не замечая, бормотал себе под нос реплики за несколько секунд до того, как их произнесут на экране. Ощущение было такое, будто фильм посмотрели с суфлером.

– Надо прийти, раз обещал, – отвечаю я на вопрос РТ.

– Круто! – оживился тот. – Тогда поедем вместе.

Понятно, с чего он так обрадовался, – нашел, за чей счет проехаться на метро. Учитывая мою сегодняшнюю уступку по поводу «Крика Вильгельма», приходится признать: РТ совсем обнаглел. Из Доярки приятеля уже пора переименовывать в Вампира. Нет, парень совсем зарвался, пора поставить его на место.

– Ты ведь еще не обедал? – как бы между прочим интересуется РТ. – Может, зайдем перекусим?

– Давай.

– Одолжишь пятерку? Кошелек дома забыл, неохота наверх бежать.
– Конечно, какие проблемы?
– Хочешь суши? За углом открыли новый суши-ресторан. Говорят, неплохой.
– Сегодня больше хочется сэндвич.
– Не вопрос. Заодно для Шевонн что-нибудь возьмем. Она вегетарианка. Вернее, так сказала, но вчера видел, как Шевонн уплетала за обе щеки буррито с курицей.
– Ты с ней точно не спишь? Поклянись.
– Честное слово! Хотя, может быть, это был буррито с тофу. А что, тофу с виду похож на курицу, особенно если нарезать тонкими полосками. Но пахло-то курицей... Надо у нее спросить. На всякий случай.

– Да ладно, пойдем. Шевонн большая девочка и сумеет добыть пропитание и без твоей помощи.

– Ну, не знаю. Боюсь, потом совесть замучает.

Застываю на месте:

– Позволь уточнить. Если *я* не куплю Шевонн сэндвич, *тебя* замучает совесть?

– Она ведь наша подчиненная.

– Я, между прочим, ясно сказал: на работу никого не брать.

– А я, между прочим, ясно сказал: эта девушка – наше спасение!

Ипускаю страдальческий стон и картинно подношу к глазам руку с часами.

– Ой, прости, совсем забыл. У меня ведь на сегодня назначена встреча! Надо бежать. Может, в другой раз.

Злюсь на себя, что снова поддался на уговоры РТ. Собирался повесить на дверь табличку «Закрыто» и незамедлительно удалиться, а в результате едва не накормил всех обедом. Да, друг мой, с такими дипломатическими способностями тебя впору отправлять вести мирные переговоры между Израилем и Палестиной.

– Ничего страшного, – отзывается РТ. При его образе жизни четкий распорядок приема пищи – непозволительная роскошь, поэтому к отказам РТ относится спокойно. Любому охотнику случается промахнуться. – Ладно, встретимся у Ленни.

Шагаю к двери, терзаемый гневом, чувством вины и смутными опасениями одновременно. Пока мой счет на сегодня – 0:1, и, учитывая, что в следующем тайме предстоит встреча со сборной командой издательства, отыгратья вряд ли удастся.

– Слышал новости про «ООН»? – вдруг окликает РТ.

Давненько приятель не произносил вслух этого названия. После ухода из коллектива в результате творческих разногласий РТ именуется бывших коллег исключительно «эти говнюки». Но потом появилась панк-группа, которая и в самом деле выступала под названием «Говнюки». Тогда РТ стал звать «ООН» – «Говнюки первые». Короче говоря, неудобств от прозвища стало получаться больше, чем удовольствия.

– Нет, не слышал. А что за новости?

– Новый альбом, запланированный на лето, не выйдет, – сияя, как начищенный чайник, объявляет РТ. – Ходят слухи, что братья друг с другом не разговаривают.

– Близнецы?

РТ кивает:

– Говорят, Гуннар с Юргеном разругались вдрызг. Белые медведи не поделили территорию. Во всяком случае, если верить слухам.

– Неужели «ООН» распались?

У РТ на лице – выражение полной эйфории.

– Ага.

– Напомни, с которым братом у тебя вышли творческие разногласия?

– С Гуннаром. Это тот, который гитарист. Передрал все лучшее у Дэниела Эша и Тома Верлена и думает, будто никто не заметит. Как бы не так, говнюк!

– Полагаю, над темой новой статьи для музыкальной колонки голову ломать не придется?

С тех пор как РТ выгнали из группы, он работает над большой подробной статьей о распаде «ООН» и с нетерпением ждет, когда она наконец понадобится.

– Да уж, это точно! Следи за обновлениями на сайте, старик! Материал появится со дня на день!

– Будет сделано, – киваю я.

Эх, надо было держать руку на пульсе. Если РТ соберется опубликовать что-то, грозящее «Крику Вильгельма» судебными исками, хотелось бы, чтобы свое мнение по этому поводу высказала не только надежда нашего журнала Шевонн.

Глава 4

В издательство прихожу за пятнадцать минут до назначенного времени, и это большая ошибка. Приходится торчать в коридоре целый час, прежде чем меня наконец выпускают в кабинет. Причина такой задержки – встреча с новым автором, звездой реалити-шоу Тиффани Лоренцо. За последние полтора года эта юная особа буквально взлетела на вершины славы. Началось все с выступления на ныне снятом с эфира шоу талантов под названием «Покажи себя». Этот призыв мисс Лоренцо восприняла буквально – сплясала на сцене в бикини со стрингами, шевеля губами под фонограмму «Daft Punk». К сожалению, чтобы пройти во второй тур, этого оказалось мало. Но находчивости Тиффани было не занимать: быстренько выложила видео, на котором садилась в машину с разными мужчинами, с которыми якобы занималась внутри сексом, а потом курила что-то якобы наркотическое. Потом трогательно заливалась слезами на двух ток-шоу, рассказывая о своей героической борьбе с наркоманией и нимфоманией. В результате мисс Лоренцо позвали в качестве гостя на программу «Курс реабилитации». Там она использовала кабинку для признаний, чтобы объявить, что один из мужчин в машине – бывший мэр Торонто. Затем Тиффани выпустила альбом кавер-версий известных песен, который критики встретили, мягко говоря, прохладно – и РТ в том числе. Именно тогда он и разместил на сайте свою самую смешную рецензию, которую написал от имени музыкантов, над песнями которых поиздевалась Тиффани Лоренцо. Следующим шагом в карьере стала главная роль в пилотном выпуске сериала «Шпионы и дроны». Тиффани играла смелую и глубоко преданную делу женщину-аналитика из разведывательного управления. Руководство канала приняло решение ограничиться одним «пилотом», но и этот провал упорную Тиффани не сломил. Она снова удачно выкрутилась – быстренько выскочила замуж за барабанщика из поп-панк-группы «Сперматозоиды». Развод последовал через три недели. Тиффани подала на бывшего мужа в суд за нанесение побоев, за чем последовала очередная серия душераздирающих рыданий в эфире ток-шоу.

А недавно Тиффани пришел в голову очередной способ заставить о себе говорить: мисс Лоренцо решила выпустить автобиографию. Книга будет носить скромное название «История моей жизни», хотя писать ее будет кто угодно, только не сама Тиффани. Мисс Лоренцо слишком занята новым проектом – мюзиклом по мотивам «Дневника Анны Франк», где намерена исполнить главную роль.

Однако книги подписывать и перед читателями выступать Тиффани Лоренцо готова с превеликим удовольствием. Работа над книгой еще даже не началась, а «писательнице» уже выплатили аванс, который, если верить осторожному выражению из пресс-релиза, составил «половину шестизначной суммы».

Когда наконец захожу в кабинет, оказывается, что позвали меня вовсе не за тем, чтобы ругать мою третью книгу. С новой рукописью редактор ознакомиться еще не успела. Она просто хотела сообщить, что студия, которая собиралась снимать фильм по первой книге, продала права на экранизацию другим людям, а те хотят приступить к делу немедленно. Как я понял, одну из мелких студий, входящих в состав большой киностудии, собираются закрывать в конце года, и этот проект как раз годится на роль лебединой песни – низкий бюджет, налоговые льготы, и так далее, и тому подобное. Подготовка к началу съемок уже идет полным ходом. В следующем месяце в Торонто прилетают режиссер и сценарист, чтобы согласовать сценарий, кастинг и места съемок, которые планируется уложить в три летних месяца. Фильм планируют выпустить к Рождеству. По такому случаю издательство собирается к осени выпустить мою книгу в кинообложке. Осталось только разобраться с оформлением.

Сказать, что я сражен наповал, – значит ничего не сказать. Ожидал еще одного скандала, и уж никак не улыбок и хороших новостей. Режиссером будет Фрэнсис Жирол, снявшая

фильм «Борьба», который пару лет назад собрал немалое количество положительных отзывов на фести вале «Сандэнс». Правда, в кинотеатрах фильм громким успехом не пользовался и в лидеры проката не выбился, однако, по мнению всех, кто его все же посмотрел, картина была хорошая. Хотел написать рецензию для «Крика», но не успел: из-за низкой популярности «Борьбу» очень быстро сняли с проката. Редактор уверяет, что Фрэнсис Жирол – большая поклонница моей книги и ей не терпится со мной познакомиться. Режиссер сама работала над сценарием вместе со своим постоянным сценаристом Лэйном Познилки. Руководство киностудии осталось довольно, и проекту дали зеленый свет. В этот раз ни о каком международном прокате речи не идет, а значит, теперь съемки, скорее всего, не сорвутся.

– Это же просто замечательно! – восклицает редактор, женщина лет сорока пяти с узким лицом и стоящими торчком кудрявыми волосами. Вынужден признаться, что из-за сочетания характера и прически окрестил ее горгоной Медузой. – Мы все в полном восторге!

Хочу прибавить, что от «Истории моей жизни» они тоже в полном восторге, но вовремя удерживаюсь. Признаюсь, после предыдущего провала оптимизма редактора не разделяю, но, впрочем, попытка не пытка.

Двадцать минут спустя шагаю к выходу, как вдруг кто-то окликает меня по имени. Обращиваюсь и вижу возле лифтов высокую девушку со светлой стрижкой под мальчика. Одной рукой держит папку с рисунками, другой энергично машет мне. Лицо смутно знакомое, но откуда ее знаю – хоть убей, не припомню. С памятью на лица у меня беда. Могу встретить на улице своего потеряв ногу брата-близнеца и сообразить, кого он мне напоминает, лишь несколько часов спустя. На обложках своих книг фотографию автора печатать категорически запрещаю – считаю, что это выпендрож. А когда редактор стала настаивать, прислал ей фотографию ясного неба с конденсационным следом от самолета и подписью: «Компания «Бритиш эруэйз», рейс 771. Автор – на месте 14С».

– Добрый день, – осторожно произношу я с самой нейтральной улыбкой, на какую способен.

– Не узнал? Я Робин! – объявляет девушка, похлопав себя рукой по груди. – Робин Земмлер. Мы в старших классах вместе учились!

Вспоминаю свой десятый класс, что обычно стараюсь делать как можно реже. Так же ветераны, побывавшие в самом пекле, избегают рассказывать о пережитом на поле боя. Да, точно – с этой девушкой у нас были совместные уроки рисования, где я, надо сознаться, отнюдь не блистал. В отличие от нее. Правда, в те времена у Робин Земмлер, если не ошибаюсь, были длинные темные волосы, а одевалась она сплошь в черное и яркие полоски, отчего походила на героиню фильмов Тима Бертона. Еще Робин носила просторную зеленую куртку со множеством карманов, где держала карандаши, фломастеры и кисти всех видов и форм.

Сейчас Робин одета в зеленый жакет, который, судя по виду, велик ей размера на два, короткую фиолетовую юбку, зеленые гольфы и ботинки «Доктор Мартинс» – вишневого цвета, с двенадцатью парами люверсов.

– Рад встрече, – говорю я, взглянув на ее папку. – Работаешь здесь?

– Надеюсь, что возьмут, – отвечает Робин. – Вот, попросили принести портфолио. Если дело выгорит, дадут заказ на несколько обложек, а там видно будет. Ты ведь автор издательства «Дамокл», да? Замолвишь за меня словечко?

Смеюсь:

– Не вопрос, только мое словечко здесь немногого стоит. С таким же успехом можешь к охраннику парковки обратиться.

Вид у Робин становится растерянный.

– Правда? – спрашивает она. – Жалко... А почему? Нет, если не хочешь, можешь не говорить...

– Не то чтобы не хочу, – отвечаю я. – Просто объяснять долго. Значит, ты художник-иллюстратор?

– Да. Вернее, раньше этим занималась, а потом решила попробовать что-нибудь новенькое. Уезжала в Шеридан учиться компьютерной анимации, потом устроилась на студию «Пиксар».

– Ух ты! Круто! Над какими мультфильмами работала?

Робин хмурится:

– Я там надолго не задержалась. У нас с мужем тогда были... э-э... проблемы. В общем, с «Пиксаром» ничего не вышло.

– Да, жалко. А... с проблемами как? Надеюсь, все уладили?..

– Можно и так сказать. Через полгода подали на развод. Извини, грузу тебя своими заморочками...

– Ничего страшного.

Удивительно, сколько всего готовы на тебя вывалить даже незнакомые люди, если проявишь к их делам хоть каплю интереса. Но у одних это получается мило, другие же используют подобные признания в качестве оружия массового поражения – к примеру, на вечеринках. Особенно неприятный сюрприз ожидает, когда девушка, еще секунду назад казавшаяся милой и очаровательной, смотрит на часы и восклицает: «Ой, уже так поздно? Извините, пора бежать, мне завтра рано вставать на колоноскопию!»

– Сейчас работаю над романом в комиксах, – продолжает Робин. – Надеюсь, к лету закончу. Еще проиллюстрировала пару брошюр. Если получу заказ здесь, буду очень рада. В общем, мечтаю стать автором комиксов, а пока не стала, ищу подработку.

– Молодец, – говорю я. – Только, когда будешь предлагать свои комиксы, внимательно читай все условия, чтобы потом не было сюрпризов. Особенно те, что напечатаны мелким шрифтом. заметишь что-нибудь про передачу донорских органов – беги.

Робин сразу мрачнеет:

– Звучит не очень обнадеживающе. Неужели все так плохо?

Качая головой, будто разгоняя невидимые тучи:

– Не бери в голову. Просто шучу. Уверен, у тебя все будет нормально.

– Извини, не читала твою книгу, – говорит Робин. – Вообще-то люблю фэнтези, особенно стимпанк. Слышала, по твоему роману снимают фильм.

Киваю:

– Собирались, но ничего из этой затеи не вышло. А теперь, кажется, снова хотят снимать, но в этом деле загадывать трудно.

– Классно! – восхищается Робин. – Значит, будешь писать сценарий и подбирать актеров? Или кино само по себе, а ты сам по себе?

Смеюсь:

– Думаю, скорее последнее.

– Вот будет здорово, если мне поручат оформлять обложку твоей следующей книги!

Мечтать не вредно, думаю я. Да, здорово будет... если эта книга вообще выйдет. Однако предпочитаю держать свои соображения при себе. И так уже выплеснул на бедную девушку опасную для здоровья дозу собственного негатива.

– Вот бы как-нибудь посмотреть на твои комиксы, – вместо этого говорю я.

И тут же об этом жалею. Спрашивается, кто меня за язык тянул? Эх, надо было выразиться по-другому. А лучше вообще промолчать. Невольно начинаю коситься в сторону двери. Путь свободен. Если припущу со всех ног, успею скрыться, прежде чем Робин опомнится. Не люблю оценивать чужое творчество. Приходится натушно выдавливать из себя комплименты, даже если на работу без слез не взглянешь – а так чаще всего и бывает. В общем, хочешь создать неловкую ситуацию – предложи свои услуги в качестве критика.

– Тебе правда интересно? – радуется Робин. – Вот здорово! Полезно будет услышать мнение опытного автора.

– Я бы себя так не назвал, но... как скажешь.

– Ой, извини. Ты ведь это просто из вежливости предложил, а я навязываюсь. Зачем тебе тратить время на мою белиберду?

– А теперь я просто обязан их увидеть, – настаиваю я. Как ни странно, теперь совершенно искренне. – Ты пробудила мое любопытство. Не успокоюсь, пока не прочту от корки до корки.

– Серьезно? Уверен?

– На все сто. Не волнуйся, если твои комиксы и правда белиберда, скрывать не стану – сразу выложу все, что думаю. Так и скажу: ужасней мазни в жизни не видел. Обезьяна под антидепрессантами лучше нарисует. Полный финиш.

– Только там есть такие места... В общем, для взрослых, и... немножко на любителя. Конечно, не японское порно с щупальцами, но все-таки...

– Извини. С чем, с чем порно?

– Ни разу не слышал про тентакли? – наигранно вскидывает брови Робин.

– Вынужден признаться, что в этой области у меня в сексуальном образовании пробел.

– Это целая категория аниме. В Японии пользуется большой популярностью.

– Ничего себе! – качаю головой я. – А я-то думал, по извращениям на первом месте немцы. У всех, с кем воевали во Вторую мировую войну, какие-то странные представления о сексе. К чему бы это? Если окажется, что итальянцев возбуждает мебель, даже не удивлюсь. Так вот зачем диваны накрывают пластиком...

Робин смеется:

– Просто хотела тебя подготовить.

– Да, если собираешься поразвлечься с осьминогом, подготовка не помешает. Во-первых, попробуй уследи за всеми щупальцами. Во-вторых, представляешь, сколько потом останется засосов?

Нарочно прикинулся, будто тентакли для меня – тема новая и незнакомая. На самом деле образчик описанного Робин жанра видеть приходилось. Еще до основания киноклуба РТ потащил всю компанию на аниме. Шел мультфильм в старом кинотеатре «Престиж» неподалеку от улицы Блур. Назывался он «Уроцукидодзи: легенда о сверхдемоине». Ответственность за те два часа полностью возлагаю на РТ. Конечно, аниме, о котором идет речь, нельзя назвать порнографией в строгом смысле слова, но сцен, в которых персонажи выпускали щупальца фаллической формы, с помощью которых нападали на проходящих мимо школьников и разрушали здания, хватило, чтобы составить примерное представление.

– Клянусь: в моих комиксах ни одного осьминога не найдешь, – торжественно произносит Робин. – Обещаю.

– Ну ладно, – говорю я. – Тогда, может быть, пришлешь по электронной почте?

– Я их еще не сканировала, – отвечает Робин. – Если хочешь, могу принести и показать.

Откровенно говоря, идея не слишком удачная. Трудно скрыть свою реакцию, когда художник сидит рядышком и зорко подмечает малейшие нюансы твоей мимики. А хуже неудовольствия может быть только попытка скрыть неудовольствие. Однако отказ прозвучит невежливо, поэтому вынужден ответить:

– Да-да, конечно.

Робин достает из сумки блокнот:

– Мобильник сломался. На следующей неделе буду покупать новый, а пока живу в девятнадцатом веке. Дашь свой номер, позвоню, как только обзаведусь телефоном. А хочешь, диктуй имейл.

Останавливаюсь на втором варианте. Притвориться, что до тебя не дошло электронное письмо, легче, чем врать, будто не слышал звонка.

– Спасибо, что согласился взглянуть на мои комиксы! – радуется Робин. – Наверное, тебя теперь часто просят взглянуть на рукописи.

– Вообще-то ты первая.

– Да ладно! Нет, серьезно? Тогда с почином! Ну как, общаешься с кем-нибудь из наших?

– Только с РТ.

– Как же, припоминаю! – радуется Робин. – У нас с ним была общая биология. Помнишь нашего учителя, мистера Линга?

– Извини, про школьные годы чудесные стараюсь лишний раз не вспоминать.

– Слышала, его через несколько лет уволили. Ехал на машине и сбил ученика.

– Ну, это как-то слишком сурово. Он же не нарочно.

– В том-то и дело, что нарочно.

– Беру свои слова обратно.

– Но я его не виню. Тот парень – зажавшийся и обнаглевший «золотой» мальчик. Вдобавок вечно передразнивал, как мистер Линг картавит. Бедняга эти насмешки, должно быть, с первого рабочего дня терпел. Может же человек раз в двадцать лет сорваться. Сначала мистера Линга обвиняли в покушении на убийство, но потом изменили статью на более мягкую. А РТ, кажется, в какой-то известной группе играет?

– Играл. Но у него с коллегами возникли творческие разногласия. Все никак простить их не может.

– Да, помню. Характер у РТ непростой. Как-то раз смотрела выступление этой группы. Забыла, как называется...

Я помню, но боюсь, что, если произнесу название «ООН» вслух, из-за спины вдруг выскочит РТ, который, как оказалось, слышал весь разговор, и спросит, не покупал ли кто-нибудь из нас последний сингл группы. С одной стороны, в издательстве РТ делать вроде бы нечего, а с другой, подобные прецеденты уже имели место.

– Не ломай зря голову. Коллектив совершенно неинтересный и ничем не примечательный.

– Ой, извини, тебе, наверное, пора. А я тут стою и уже целый час болтаю как идиотка. Наверное, задерживаю тебя.

– Ну что ты, я никуда не спешу, – отвечаю я. – Ну ладно, удачи! Желаю получить заказ!

– Спасибо! – улыбается Робин. – И тебе того же! – Сообразив, что сболтнула не то, хлопает себя по лбу. – Что я несу? Тебе-то никакие заказы не нужны! Я имела в виду – тебе тоже удачи.

– Я так и понял.

– Встретишь РТ, передавай привет. И скажи: я ему желаю всего самого лучшего, но то, что он вытворял на биологии с препарированной лягушкой, – полное извращение.

Хочу поинтересоваться, что именно он вытворял, но потом решаю, что лучше воздержаться.

– Ладно, так и передам.

– Еще раз спасибо и пока! Я тебе как-нибудь напишу!

Помахав рукой, Робин шагает к лифту. Я же направляюсь к двери. В первый раз встретил кого-то из бывших одноклассников. От остальных ни слуху ни духу – не считая РТ. Вот бы и он последовал их примеру! Тогда «Крик Вильгельма» был бы не моей проблемой. Впрочем, тут же пристыдил себя – нельзя так думать о лучшем друге. Почти виноватым себя чувствую. Но только почти.

А еще хочется со всей силы пнуть себя за то, что не сумел отвертеться и дал-таки этой девушке адрес своей электронной почты. Впрочем, отказ бы прозвучал грубо, а продиктовать ненастоящий имейл у меня бы духу не хватило. Если бы мы встретились еще раз – что, надо признать, крайне маловероятно, – не смог бы смотреть Робин в глаза и чувствовал бы себя

полным козлом. Причем это был бы один из тех редких случаев, когда подобное самоуничтожение совершенно оправданно. Попробуйте объяснить, зачем дали человеку несуществующий имейл, да так, чтобы оправдания ваши звучали безобидно. Ну-ну, удачи.

Проблема в том, что в последние несколько лет стал очень тяжело сходиться с людьми. А с тех пор, как Натали сбежала к режиссеру и съемки экранизации романа сорвались, и вовсе избегаю этого всеми силами. Просто новые знакомства требуют сил и энергии, которыми в данный момент не располагаю. Слышал, к тридцати годам у спортсменов замедляются рефлексы, но не думал, что то же самое произойдет с моими социальными навыками. По-прежнему бываю в общественных местах – кино, музеях, галереях. Но там я могу оставаться невидимкой. Можно ни с кем не разговаривать – более того, от тебя этого никто не требует и не ожидает. На вечеринки меня зовут редко, а если и приглашают, чаще всего отказываюсь. Кстати, у этой стратегии есть дополнительный плюс – таким образом я сразу сокращаю число будущих приглашений.

Единственное более или менее массовое мероприятие, связанное с общением, от которого не пытаюсь отвертеться, – регулярные собрания киноклуба. Наоборот, на них хожу с большим удовольствием. Но там я всех знаю, а значит, не нужно лезть из кожи вон, пытаюсь кому-то понравиться, или лихорадочно придумывать, что сказать, чтобы, не дай бог, не повисло неловкого молчания. Никто не задает глупых и бестактных вопросов о карьере или личной жизни и не интересуется, где я беру идеи для книг (последний вопрос давно уже оскомину набил). Для нас всех киноклуб – место, где можно просто быть собой.

В прошлом году примерно в это же время года на меня вдруг ни с того ни с сего напала жестокая бессонница. Промучившись десять дней, отправился к врачу. Тот посоветовал вести более подвижный образ жизни и предлагал направить на консультацию к психиатру. Мы с РТ потом долго шутили по этому поводу. В честь героя «Бойцовского клуба» называли друг друга «Тайлер Дерден» и говорили незнакомым людям, будто наш киноклуб – всего лишь прикрытие, а на самом деле мы состоим в подпольной анархистской организации и тайно собираемся в темных подвалах, где разносим в пух и прах творчество Джареда Лето. К счастью, и бессонница, и эти шуточки оказались явлением преходящим.

Но от слов, сказанных в редакции журнала, не отказываюсь. Мне и правда не мешало бы сменить обстановку. Отдохнуть и от Торонто, и от всех знакомых. Конечно, приятно, что планы по экранизации моей книги успешно реанимированы, но, к сожалению, они совершенно не вовремя нарушают другие мои планы. Вернее, не нарушают, а только откладывают, однако все равно досадно. Вот почему, когда редактор сообщила новость о возобновившихся съемках, отреагировал прохладно. К тому же по собственному опыту общения с киношниками знаю: если сказали, что будут снимать фильм, это еще ничего не значит. Готов поспорить: со дня на день что-нибудь сорвется и съемки отменят. Универсальное правило: чем привлекательнее выглядит сделка, тем больше шансов, что ты останешься в пролете. Увы, именно так обстоят дела в кинобизнесе – и, подозреваю, не только в нем. Вот почему в ближайшее время собираюсь держаться от всяких бизнесов подальше.

Спускаюсь в метро и проезжаю пять остановок до кинотеатра «Престиж». Там сегодня показывают расширенную версию «Бешеного быка», а мне как раз нужно написать к следующему номеру обзор лучших фильмов Скорсезе. Даже если до статьи руки не дойдут, «Бешеный бык» меня хоть немного взбодрит. Район, в котором находится кинотеатр «Престиж», знаю неплохо. Как-то раз подписывал там книги в каком-то заштатном несетевом магазинчике, который, насколько помню, сгорел. С освободившимся местом поступили так же, как и со всей свободной землей в городе, – отгрохали многоквартирный жилой дом. Впрочем, оно и к лучшему. Помню я их персонал – с приветом, все до единого. Псих на психе сидит и психом погоняет.

За те два с половиной часа, что просидел в кинозале, повалил такой густой снег, что не видно противоположной стороны улицы. До чего все-таки хорошо жить в городе, где есть метро!

Глава 5

К сожалению, досмотреть «Грязного Гарри» до конца не получается: с Тео произошел несчастный случай на виадуке Блур.

В крошечную подвальную комнатенку Ленни набилось восемь человек. Фильм смотрели, рассевшись неровным полукругом вокруг монитора компьютера. Раньше у Ленни был старенький телевизор, но в прошлом году электронно-лучевая трубка взорвалась. Повезло еще, что подвал не сгорел.

Мы смотрим сцену, в которой Клинт Иствуд вытрясает информацию из Энди Робинсона, угрожая «Магнумом-44» и рассказывая, какое это убойное оружие. Интересно заметить, что в наше время этот «Магнум-44» является одним из самых мощных револьверов, доступных в широкой продаже любому простому американцу. И тут у меня начинает звонить телефон.

Не отключать мобильник во время фильма – грубое нарушение этикета не только в кино-театре, но и в гостях. А уж в киноклубе этот промах и вовсе причислен к разряду вопиющих и непростительных. Оправдание у меня только одно: обычно мне звонят так редко, что отключать телефон просто нет необходимости. Редко кому даю свой номер, а те, кому он известен, прекрасно знают: без дела мне лучше не звонить. В основном все общение происходит по электронной почте.

Шепотом бормочу извинения и спешу на кухню, стараясь не наступить на пустые коробки из-под пиццы, сваленные на полу. Гляжу на дисплей. Номер незнакомый.

– Алло, – напряженно произношу я.

У человека, осмелившегося прервать Гарри Каллахана, должна быть на это весомая причина. Оказалось, звонил мне штатный врач университетской клиники, куда Тео доставили после несчастного случая. Что именно произошло, доктор толком не объяснил, но сказал, что Тео хочет со мной поговорить. Не соглашусь ли я приехать? И если можно, побыстрее.

– Что с Тео? – выпаливаю я.

Все мысли об убийце по кличке Скорпион и допустимости нарушения гражданских прав и свобод во имя общего блага сразу вылетают из головы.

– Сейчас с мистером Ломаном все в порядке, но...

– Скажите толком, что случилось? – требую я. – Авария? Тео пробил ограждение?

– Думаю, будет лучше обсудить ситуацию при личной встрече, а не по телефону, – отвечает врач с тем выводящим из себя олимпийским спокойствием, без которого, судя по всему, медицинские дипломы выпускникам просто не выдают. – Сможете подъехать сегодня вечером?

Спрашивается, с чего вдруг Тео хочет видеть именно меня? Был ли в машине кто-то еще? Дориан? Дети? Надеюсь, они живы и здоровы. Понимаю, что от доктора Все-подробности-приличной-встрече больше ничего не добьешься. Говорю, что уже выезжаю, и даю отбой. К тому времени остальные собравшиеся уловили если и не конкретные слова, то общий встревоженный тон разговора (вернее, той его половины, за которую отвечал я). Поставив фильм на паузу, ребята спросили, что стряслось.

– Тео попал в аварию! – объявляю я, засовывая мобильник обратно в карман и хватая куртку. – Его в больницу отвезли.

– В какую аварию? – спрашивает Дэвид. – Надеюсь, он не слишком сильно пострадал?

– Не знаю, но похоже, что нет, – отвечаю я. – Сказал, что хочет меня видеть.

– Я с тобой! – восклицает РТ и тоже берет куртку.

– И Костас тоже! – подхватывает Костас. – Он на машине и всех довезет!

К тому времени Костас уже успел осушить большую часть содержимого бутылки «Реми Мартен» емкостью сорок унций, которую притащил с собой. Если шофером нашим будет выступать Костас, мы с РТ попадем в больницу гораздо быстрее, чем предполагали, и сразу

окажемся в одном отделении с Тео. Причем компанию нам составят водители и пассажиры всех ближайших автомобилей. Ленни уже предусмотрительно спрятал ключи от машины рядом с бутылкой воды – единственным напитком, которым Костас уж точно не захочет угоститься.

– Спасибо, конечно, но не хочу тебя утруждать, – говорю я. – Сейчас быстренько добежим до Спадина и поймаем такси.

– А почему Тео зовет тебя? – спрашивает Ленни. – Только не обижайся, но у него ведь жена есть.

– Без понятия, – пожимаю плечами я. – Извини, что прерываю показ, но сам понимаешь – дело срочное.

Выбегаю через черный ход. РТ спешит следом. Дверь, ведущая в квартиру Ленни, проделана в задней стене дома и находится под навесом для автомобилей. Вообще-то на лестнице установлены датчики движения для включения света, чтобы в темноте никто не расшибся, но срабатывают они редко. Едва не на четвереньках на ощупь ползем вверх по скользким ступенькам, потом выбегаем на улицу. Сначала сворачиваем влево, потом устремляемся вправо. Благополучно ловим такси и уже через пятнадцать минут оказываемся в больнице. Там нам велют подождать в маленьком закутке. Садимся на два стула, обитые винилом горчичного цвета.

Наконец приходит доктор и рассказывает, что Тео обнаружили висящим на сломанной части ограды с южной стороны виадука Блур. Пациент утверждает, будто пытался поймать какой-то предмет, на ходу вылетевший из окна машины, но какой именно, ответить затрудняется. Полиция склонна считать, что имела место неудачная – вернее, наоборот, удачная – попытка самоубийства. Тео перелезал через обледеневшую ограду, но поскользнулся и зацепился курткой за сломанную перекладину. К счастью, не считая царапин и легкой степени переохлаждения, наш друг не пострадал. Когда спрашиваю, каким образом Тео умудрился переохладиться, врач объясняет, что спасатели двадцать минут не могли пристроить лестницу, чтобы его снять. Когда Тео доставили в больницу, он наотрез отказался давать телефон жены и вместо этого потребовал, чтобы позвонили мне.

– Не догадываетесь почему? – интересуется по этому поводу врач.

– Даже не представляю, – отвечаю я.

– Может, у вашего друга семейные проблемы?

– Насколько знаю, нет.

– Мы его всегда считали образцом счастливого семьянина, – прибавляет РТ.

Когда входим в палату, Тео с мрачным видом сидит в кровати, уставившись на собственные ноги.

– Привет, – говорю я, стараясь не разговаривать с ним как с шестилетним малышом, и терплю неудачу. – Как самочувствие?

– Да, весело ты вечерок провел, – прибавляет РТ.

– Меня Дориан выгнала, – не глядя на нас, сообщает Тео.

– Выгнала? – повторяет за ним РТ. – В смысле, из дома?

– Признался, что изменял ей с женщиной из нашей команды по алтимат-фрисби.

Мы с РТ так ошарашены, что надолго умолкаем.

– Понимаю, – наконец произношу я. – И Дориан... э-э... не слишком обрадовалась.

– Сказала, что хочет развода, – продолжает Тео. – После такого предательства она больше не сможет мне доверять. Спросила, как, по моему мнению, она должна объяснять детям, почему мама с папой больше не вместе. – По щекам Тео текут тихие слезы. – А еще заявила, что не позволит мне с ними видаться.

Сажусь на край кровати и кладу руку другу на плечо.

– Господи... Да, приятного мало. Сочувствую.

– Ты в глубокой жопе, приятель, – соглашается РТ. – Ну ничего, выкарабкаешься. Только больше не занимайся банджи-джампингом без страховки. Особенно над рекой Дон.

– Ну да, у нас с Дориан проблемы, только дети-то тут при чем? – горестно всхлипывает Тео. – А без них мне жизнь не мила!

– Расслабься! – утешает РТ. – Никуда от тебя дети не денутся! Обязательно с ними увидишься. Когда-нибудь.

– Хочешь, мы поговорим с Дориан? – предлагаю я. – Позвоним прямо сейчас.

– Нет-нет! – пугается Тео. – Если Дориан узнает, на суде обязательно использует этот случай против меня! И тогда уж точно не увижу ни Хлою, ни Джаспера. Ради бога, никому не рассказывайте!

Уверен, что даже самый некомпетентный адвокат по бракоразводным процессам сумеет раскопать эту неблагоприятную историю независимо от того, позвонит Тео жене или нет. Впрочем, сейчас об этом лучше не упоминать.

– У тебя что, правда была интрижка с девушкой из команды? – уточняет РТ.

Тео кивает с виноватым видом.

– Долго? – спрашиваю я.

Конечно, это не мое дело, но разве не меня Тео позвал в больницу после своей удачно неудавшейся попытки самоубийства? В подобной ситуации надо быть полной свиньей, чтобы вести себя так, будто дела друга тебя не касаются.

– Не очень, – бормочет Тео. – Месяца три, не больше.

Мы с РТ переглядываемся. Трудно поверить, что наш правильный, занудный и ужасно предсказуемый друг Тео Ломан ходил налево. Будь на его месте Костас, тогда другое дело – тот «перезнакомился» бы со всеми гостями женского пола еще до конца свадьбы. Но Тео... Это же ни в какие ворота!

– А что за девушка? – продолжает участливые расспросы РТ.

– Ее зовут Танесса.

– Как? Ванесса? – переспрашивает РТ.

– Нет. Танесса – через «Т». Давно заметил, что она со мной заигрывает, но сначала думал – вдруг показалось? С тех пор как дети родились, Дориан меня совсем замечать перестала.

– Что, неужели столько лет ничего не обламывалось? – пугается РТ. – Вот бедалага!

– Короче говоря, однажды вечером Танесса попросила помочь – надо было открыть багажник и положить туда спортивную сумку. Сказала, запястье растянула.

– Серийный убийца Тед Банди тоже так жертв заманивал, – припоминаю я.

Тео вскидывает брови.

– Вот и у нас с этого началось.

– Ты по-прежнему общаешься с этой девушкой? – спрашиваю я.

Тео качает головой:

– Нет. Танесса помирилась с бывшим. Он у нее работает в службе исполнения наказаний. Кажется, надзирает за условно освобожденными.

– Где же ты жить будешь? – спрашиваю я.

– Снял номер в отеле, – отвечает Тео. – Но долго там оставаться не смогу. Слишком дорого.

– Переезжай ко мне! – предлагает РТ. – Все равно полквартиры свободно! Милости прошу.

Тео призадумался:

– Ну, не знаю... Как-то неудобно навязываться...

– Неудобно на лыжах по асфальту кататься! – отмахивается РТ. – Только перетащу из свободной спальни всякое барахло, и заселяйся на здоровье! Подумай, какой роскошный вариант! А главное, бесплатно!

Очень щедро со стороны РТ приглашать людей бесплатно жить на съемной квартире, за которую платит не он. Но сейчас об этом лучше промолчать.

– Нет, так не годится, – возражает Тео. – Буду платить половину. Я тебе не приживалка. У вас там есть где машину поставить?

– Есть. На подъездной дорожке, – отвечает РТ. – Только ее с начала зимы не расчищали. Но не волнуйся, ради тебя откопаем.

– Ты не думай, злоупотреблять твоим гостеприимством не собираюсь, – гнет свою линию Тео. – Через несколько дней съеду. В крайнем случае – через неделю.

Но РТ только рукой машет:

– Сколько нужно, столько и оставайся. Мы не против. – Многозначительно переглянувшись со мной, РТ прибавляет: – Только пообещай не влезать в ванну с тостером.

– Что?..

– Ну, или еще с какими бытовыми приборами. Проводка в квартире слабая, может не выдержать.

– Ладно, обещаю, – со слабой улыбкой произносит Тео. Обмороженное лицо и руки до сих пор красные. Нашего друга можно без грима снимать в фильме ужасов.

– Вот еще что. Тронешь мои пластинки – убью, – продолжает РТ. – И это не фигура речи. Я совершенно серьезно.

– Что ж, условие справедливое.

РТ окидывает палату оценивающим взглядом:

– Как условия? Нормальные? Может, из еды что-нибудь принести?

– Нет, спасибо. Ни к чему вам утруждаться. Сегодня ведь было собрание киноклуба, да? – вдруг меняет тему Тео. – А я и забыл.

– Ничего удивительного, – киваю я. – Семейные драмы будут почище любого кино.

– Чья сегодня была очередь? Ленни? Какой фильм с Клинтом Иствудом смотрели?

– «Грязный Гарри», – отвечаю я.

– Черт возьми! Классный фильм, – сокрушается Тео. – Обидно, что пропустил. Очень рассчитывал посмотреть.

– Мы и сами только до середины досмотреть успели, – подбадривает Тео РТ. – Можно договориться с Ленни. Будем считать, что нынешнее собрание не состоялось, и назначим новое. Или, когда выпишешься и переедешь ко мне, можно ради такого случая устроить торжественный повторный показ. Кстати, от нашей квартиры до твоего офиса намного ближе! Вот тебе еще один плюс.

Тео качает головой:

– «Фирмстрах» у меня уже в печенках сидит. Между прочим, никогда не мечтал стать актуарием. Просто в школе у меня было хорошо с математикой, да и папа много лет проработал в страховом бизнесе... В общем, он настоял, а мне духу не хватило отказаться. Потом женился, а Дориан сразу решила стать домохозяйкой и засела дома. Потом дети родились... Вообще-то мне всегда хотелось...

Тео смущенно умолкает.

– Давай выкладывай! – торопит РТ.

– Не скажу, смеяться будете.

– Нет, теперь ты обязан договорить. После такого интригующего начала отмалчиваться – свинство, – подхватываю я.

Вдруг Тео резко вскидывает голову:

– Вы ведь только что с собрания киноклуба... Кто-нибудь, кроме вас, знает, что случилось?

Качаю головой:

– Я только сказал, что произошел несчастный случай. Ни к чему рассказывать подробности. Можно просто соврать, что машину занесло и ты врезался в ограждение.

– Нет, – качает головой Тео. – Лучше сказать правду. Если не могу откровенно поделиться чувствами с людьми, которых знаю десять лет, к кому же еще обратиться?

Как это – к кому? К жене, конечно! Брак для того и придумали, хочется сказать мне. Но раз уж Тео наотрез отказывается звонить Дориан, думаю, членов киноклуба можно считать вторыми по степени родственной близости.

– Ладно, решай сам, – говорит РТ. – Мы на тебя давить не будем. Так ты не договорил. Сказал, что всю жизнь мечтал заняться чем-то смешным, и сменил тему.

– Э-э... – тянет Тео. – Я, наверное, лучше воздержусь...

– Говори, а то в бараний рог согну и не посмотрю, что ты пострадавший, – с дружеской улыбкой угрожает РТ. – Ну? Мы ждем.

– С детства хотел стать... актером.

Мы с РТ озадаченно переглядываемся. Для нас это полная неожиданность. За все годы, что мы его знаем, Тео не рвался ни играть на сцене, ни выступать перед камерой. Более того, не выказывал ни малейших признаков интереса к этому занятию. Тео – один из тишайших, скромнейших людей, которых мне доводилось встречать. Он терпеть не может оказываться в центре внимания. Если бы наш приятель заявил, что мечтает сменить пол и стать женщиной, мы бы отнеслись к этому известию гораздо спокойнее.

– Актером? – переспрашиваю я. Хочу убедиться, что правильно расслышал.

– Всегда любил играть, – весело сообщает Тео.

– Серьезно? – уточняет РТ. – Это с каких же пор?

– Кажется, лет с пяти, – отвечает Тео. – Обожаю устраивать для родителей кукольные спектакли. Сцену устраивал на письменном столе. Занавес мастерил из кухонных полотенец, а вместо прожекторов приклеивал скотчем к столешнице фонарики. А в одиннадцатом классе, когда ставили спектакль по «Мышеловке» Агаты Кристи, играл сержанта Троттера. В жизни такого удовольствия не получал. Не припомню, чтобы когда-нибудь был так счастлив.

– Почему же нам не рассказывал? – интересуюсь я.

– Зачем? Я ведь так ничего и не предпринял, чтобы моя мечта сбылась, – отвечает Тео. – Не знаю почему. Наверное, слишком боялся. Родители с детства вбили в голову, что нужно избегать рисков любой ценой. А сидеть целыми днями в офисе страховой компании – полная противоположность всему рискованному и авантюрному.

– Это точно, – соглашается РТ. – Скучнее работы, чем твоя, не найдешь.

– Хочу раскрыть вам один секрет, – произносит Тео. Мы с РТ сразу подаемся вперед. – Когда перелезал через ограду, вовсе не собирался прыгать. Просто хотел постоять на краю и посмотреть вниз. Ну, для адреналина. Думал, это поможет мне прийти в чувство.

– Ну и как, помогло? – интересуется РТ.

– Ограда обледенела, и я поскользнулся, – продолжает Тео. – Этого я как-то не предусмотрел. Удержаться не смог – упал. Летел всего секунду, не больше, но успел подумать: все, хана мне. Где-то внизу была река, но в темноте ее не разглядеть. Даже не знал, куда падаю.

– Но, к счастью, падение твое долго не продлилось, – вставляю я.

– Да, – соглашается Тео. – Повезло невероятно – зацепился за сломанную перекладину. Мне потом сказали, она изогнулась под весом снега. А если бы в другую сторону торчала?.. Короче говоря, упади я с виадука вчера – то есть до снегопада, – сейчас бы вам все это не рассказывал.

Повисает неловкая пауза. Молча сидим и обдумываем слова Тео. Интересно, что я вчера делал? Черт возьми! Даже не припоминаю.

– Пока спасатели решали, как меня достать, провисел я там довольно долго, – продолжает Тео. – Зато было время как следует подумать. Когда выпишусь из больницы, вы увидите Теодора Дж. Ломана совсем другим.

– Надеюсь, – отвечаю я. – Потому что тот Теодор Дж. Ломан, которого мы видим сейчас, выглядит так, будто полдня проспал на пляже.

Тео улыбается, но получается кривовато. Видимо, сказывается обморожение.

– Может, Дориан вернуть и не удастся, но в любом случае приложу для этого все усилия. И даже если актерской карьеры сделать не смогу, попробовать стоит. Отныне ничего больше не буду бояться.

– Погоди хвалиться смелостью, ты еще в холодильник РТ не заглядывал, – говорю я.

– А в ванной еще хуже, – подхватывает РТ.

Тут в палату заходит медсестра и сообщает, что пациента пора осматривать. Мы с РТ сразу ловим намек и спешим откланяться. Перед тем как Тео выпишут, с ним должен поговорить психиатр, а дежурство у него начинается только с завтрашнего утра. РТ обещает помочь Тео перевезти вещи из отеля в квартиру над редакцией «Крика Вильгельма».

– Обалдеть можно! – восклицает РТ, когда выходим на крыльцо. Вместе со словами у него изо рта вырываются белые облачка пара.

– Можно, – соглашаюсь я. – Ты точно не против снова обзавестись соседом? Наверное, привык жить один?

РТ пожимает плечами:

– Не на улицу же его гнать. А дело как раз к тому идет. По-твоему, из Тео получится актер?

– Может ли стать актером преждевременно облысевший мужчина двадцати девяти лет с мышинными глазками и голоском, который невозможно расслышать, если отойдешь больше чем на два шага? – произношу я. – Кто знает? Говорят, Роберт Де Ниро тоже с этого начинал...

– Как думаешь, ребята уже разошлись? – спрашивает РТ. – Или все еще у Ленни сидят? Подхожу к бордюру и, высматривая такси, выставяю вперед руку.

– Сейчас поедем и выясним, – отвечаю я. – В конце концов, что мы теряем?

Глава 6

Как опытный член киноклуба могу сказать: выбрать фильм для показа совсем не так просто, как может показаться. Вот, к примеру, десятка моих самых любимых фильмов:

1. «Семейка Тененбаум»
2. «Ханна и ее сестры»
3. «Крестный отец»
4. «Касабланка»
5. «Трудности перевода»
6. «Когда мы были королями»
7. «Большой Лебовски»
8. «Побег из Шоушенка»
9. «Принцесса-невеста»
10. «Индиана Джонс: В поисках утраченного ковчега»

Впрочем, очередность не строгая. Расставляю фильмы по позициям в зависимости от настроения. Так мой список выглядит сегодня. Время от времени порядок меняется. Одни фильмы приподнимаются на пару пунктов, другие, наоборот, спускаются. Некоторые покидают «горячую десятку», и их места занимают другие. Признак по-настоящему хорошего фильма – его положение в списке достаточно стабильно. Когда выходишь из кинотеатра в полном восторге от просмотренной картины, она может одним скачком очутиться в первой тридцатке или даже двадцатке, но почетное место на самом вершине еще надо заслужить.

Понимаю, что у киноснобов вроде мужа моей сестры этот список вызовет лишь презрительную усмешку. Большинство этих фильмов сняты крупными студиями. Субтитров нет, все действующие лица говорят на английском языке. К тому же, за редкими исключениями, эти картины были сняты не более тридцати лет назад. Да, некоторые из них считаются признанными шедеврами, но в десятку Американского института кино и в большинство рейтингов, составляемых критиками, регулярно попадают всего два. Дэвид лишь махнул бы рукой, высокомерно фыркнул и заявил, что все это – «примитивная развлекаловка», а не произведения искусства. Волнует ли меня его мнение? Не больше, чем его – мое. То есть совсем не волнует.

К фильмам Уэса Андерсона часто относятся как к детским поделкам – наивным, простеньким и забавным. Но если приглядеться, внутри прячутся такие скрытые эмоциональные глубины, что полностью открываются они только после нескольких повторных просмотров. «Семейка Тененбаум» – история о том, как члены одной семьи по-разному переживают то, что могло бы быть, но не случилось. Ройал мог бы стать хорошим отцом. Ричи – чемпионом по теннису. Марго – известным драматургом. Чес мог бы быть счастлив, если бы не умерла его жена. По описанию можно подумать, будто фильм способен вогнать в депрессию неисправимого оптимиста.

Но на самом деле трудно найти более жизнеутверждающую картину.

Принято считать, что Вуди Аллен достиг пика, когда на экраны вышел фильм «Энни Холл». Именно тогда режиссер добился идеального баланса между фарсовостью в стиле Феллини, отличавшей его ранние картины, и более серьезными, полными глубокого психологизма поздними работами, на которые оказало влияние творчество Ингмара Бергмана. Но для меня этот пик был достигнут почти на десять лет позже, с фильмом «Ханна и ее сестры». «Крестный отец» – потрясающий пример того, как из бульварного романа можно сделать шедевр. «Касабланка» в дальнейшем представлении не нуждается.

А «Трудности перевода» – и вовсе выдающееся в своем роде кино. Помню, в первый раз весь фильм просидел в напряжении, боясь, что сейчас авторы разрубят гордиев узел самым простым и банальным способом, используя прием, применявшийся еще в древнегреческом

театре. Думал, вот-вот нагрянет жена героя Билла Мюррея или неожиданно вернется муж героини Скарлетт Йоханссон. А когда ни того ни другого не произошло, был искренне рад.

Фильм «Когда мы были королями» смотрел в кинотеатре. Сцена, в которой, казалось бы, уже выдохшийся Али собрался с силами и отделал Формана по первое число, – первый и единственный случай, когда я вскочил с кресла прямо в кинозале. «Большой Лебовски» – экранизация романа Рэймонда Чандлера, замаскированная под наркоманскую комедию с восхитительно изощренным сюжетом. «Побег из Шоушенка» – фильм, который обожает весь мир, хотя начиналось все не так радужно. Помнится, я был одним из трех человек, явившихся в кинотеатр в день премьеры. Кто и за что может не любить «Принцессу-невесту» – даже представить не могу, не стану и пытаться. Ну а «В поисках утраченного ковчега» – самый увлекательный приключенческий фильм из всех, что я видел.

Уже успел показать пять своих фаворитов. Еще две картины из списка демонстрировали другие члены киноклуба. Тео устраивал просмотр «Побега из Шоушенка», а «В поисках утраченного ковчега» показывал один из наших новых участников, Вернер Бергкамп.

Шесть лет Вернер прослужил в Канадских вооруженных силах в качестве второго пилота военно-транспортного самолета С-130. Теперь работает на компанию «Идальго эруэйз», являющуюся одним из самых мелких авиаперевозчиков в Торонто. Долгих перелетов совершать не получается, все пункты назначения находятся недалеко – Монреаль, Калгари, Оттава, иногда – острова Карибского моря. Платят Вернеру, соответственно, негусто, поэтому сдает три комнаты в своем четырехкомнатном коттеджике студентам. Для Вернера главные качества идеального жильца – молодость, привлекательная внешность и женский пол. Нетрудно догадаться, что отношения из деловых постоянно переходят в личные, которые всякий раз заканчиваются шумными скандалами с крушением мебели, а иногда – разбирательствами в суде. Мы прозвали Вернера «Дон Жуан из трущоб».

Несмотря на то что моя очередь принимать собрание киноклуба наступит еще не скоро, заранее ломаю голову, какой фильм выбрать. Любимое кино из первой десятки с равными интервалами показывал уже на протяжении девяти лет. Учитывая, что клуб в этом году отмечает юбилей, хочется продемонстрировать что-нибудь особенное. Но что именно – хоть убей, не соображу. Не хочется демонстрировать классику просто потому, что это классика. Устроить показ фильма, который у всех уже в печенках сидит, – тоже не вариант. Но и слишком оригинальничать не стоит. Вполне возможно, что малоизвестная картина, которую ты просто обожаешь, на остальных не произведет никакого впечатления.

С тех пор как Тео поскользнулся на виадуке, прошло две недели. После выписки из больницы он сразу перебрался на Голден-авеню, в мою бывшую спальню над редакцией «Крика Вильгельма». Думаю, общество соседа пойдет на пользу и РТ, и Тео – если они, конечно, не поубивают друг друга. Тео привык к определенному уровню чистоты и аккуратности. По его мнению, уровень этот должен в случае необходимости позволять провести в квартире операцию на открытом сердце, в дальнейшем не опасаясь осложнений по причине занесенной инфекции. РТ же по натуре фаталист. Если что-то из его имущества, будь то счет за воду или немножко лапши рамен, упадет в любом месте в квартире, кроме мусорного ведра, значит, такова его судьба – пусть там и остается. Среди гомо сапиенс подход РТ успехом не пользуется, зато насекомые и грызуны оценили эту разновидность дзена по достоинству.

Именно здесь и договорился встретиться с Робин, чтобы взглянуть на ее комиксы. Сначала собирался позорно бежать – пусть оставит свои работы Шевонн, а он просмотрит их потом. Но был не уверен, что, попав в руки Шевонн, рисунки Робин останутся в целостности и сохранности. За то короткое время, что эта девушка проработала в нашей редакции, она ее совершенно преобразила. Впрочем, десятки чучел животных, наряженных в костюмы супергероев, любое помещение заставят заиграть по-новому.

– Это что, черт возьми, за хрень?! – закричал я, плюхнувшись задницей на порог, который только что переступил. Прямо передо мной красовался енот, одетый Бэтменом.

Шевонн продолжала сидеть за компьютером как ни в чем не бывало. Даже головы не повернула.

– Ты про Трэвиса Уэйна Бикла, грозу преступного мира?

Аккуратно обойдя енота в образе супергероя, захожу в редакцию. Ощущение такое, будто угодил в фильм «Мстители». Передо мной белка – Человек-паук, кролик – Чудо-женщина, сурок в шлеме Тора, морская свинка в оранжево-зеленом костюме Аквамена и хомяк в красном плаще и черном парике. Признаться, последний образ поставил меня в тупик. Поскольку красуется эта впечатляющая дизайнерская находка прямо посреди моего письменного стола, приходится приблизиться к ней.

– Это что такое? – еле-еле выговариваю я, глядя на хомяка, но имея в виду всю редакцию в целом.

– Не что, а кто. Бартлиби Сан-Казанова, слышал про такого? – весело отзывается Шевонн. – Он же Доктор Крепкий орешек.

– Э-э... – тяну я. Строго говоря, на вопрос Шевонн ответила, но ситуация в целом понятней не стала. Для нашей новой сотрудницы это обычное дело. – И что он тут делает, этот доктор?

– Круто, правда?! – восклицает РТ, впархивая в редакцию со стаканом кофе. – Шевонн принесла.

– Да что ты! Никогда бы не подумал.

РТ улыбается, всем своим видом демонстрируя, что не потерпит ни малейшей критики в адрес таксидермически-супергеройского зверинца. Впрочем, это касается всего, что бы ни взбрело в удивительно изобретательную голову Шевонн.

– По-моему, как раз то, чего нам не хватало, – продолжает РТ. – Очень... оживляет.

– Их мой дядя сделал, – сообщает Шевонн. – Верней, сделали их, как и всех, папа и мама, а когда эти бедненькие зверюшки умерли, просто изготовил чучело. У дяди своя мастерская, называется «Городской таксидермист». Это для тех, кто не может завести домашних животных. А костюмчики сшила я. Хочешь скажу, как кого зовут? Только учти: разглашать их суперсилы не имею права. Такая информация предоставляется только членам Лиги справедливости.

Настороженно оглядываюсь по сторонам. Ни капельки не удивлюсь, если, зайдя в туалет, наткнусь на тигра в супергеройском костюмчике из спандекса – причем не на чучело, а на живого. От этих двоих всего ждать можно. Решаю, что отныне естественные потребности на работе справлять не стану. Если совсем приспичит, кафе совсем недалеко, за углом.

– И как же попасть в эту твою Лигу справедливости? Надо, чтобы из меня тоже чучело сделали?

– Этой чести удостоиваются только павшие смертью храбрых, – сообщает Шевонн.

– Тогда спасибо, но, пожалуй, воздержусь.

Сажусь за стол. Собирался поработать над рецензией на новую военную драму Стивена Спилберга. Фильм был снят с прицелом на Оскар, поэтому в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе вышел еще в конце декабря, в широкий прокат же попал только сейчас. Но, к сожалению, с мысли сбивает присутствие Бартлиби. То ли мне мерещится, то ли он и правда глядит на меня с обвиняющим видом, будто считает злодеем. Или, что еще хуже, человеком, осквернившим его останки, нарядив их в костюм одного из немногих супергероев «Марвел», про которого не сняли фильм. В любом случае чувствую себя не в своей тарелке. Тут в редакцию входит Тео, облаченный в красный халат и шапочку для душа.

– Меня пригласили на первые кинопробы!

– Поздравляю, Тео, – невозмутимо произношу я. Почему он расхаживает в таком виде, не спрашиваю. В конце концов, по сравнению с остальными присутствующими Тео одет вполне нормально. – Что за роль?

Уволившись из страхового агентства, Тео сразу встал на учет в кастинг-агентстве, специализирующемся на подборе статистов и актеров на эпизодические роли для канадских фильмов и телесериалов. Сразу пришлось выложить «вступительный взнос» в размере четырехсот девяноста пяти долларов. Профессиональные фотопортреты крупным планом, обошедшиеся еще в триста долларов, в стоимость, естественно, не входили. Судя по рассказам Тео, единственное, что делают для статистов за эти деньги, – клеивают вышеупомянутые фотопортреты в свой альбом и включают тебя в базу данных у себя на сайте. В последней ориентироваться сложнее, чем на улицах древней Византии. Единственный простой и понятный раздел сайта даже называется предельно ясно – «Способы оплаты».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.